

ВЪ КИРГИЗСКИХЪ АУЛАХЪ.

(Очерки изъ поѣздки по Семирѣчью).

РЕДИ туземнаго населенія Семирѣченской области преобладающее по количеству мѣсто занимаютъ кочевники-киргизы. Они издавна залили живою волной всѣ степныя области и значительную часть Туркестана. Необозримыя пространства киргизскихъ степей занимаютъ свыше пятидесяти тысячъ квадратныхъ миль.

Полудикій въ массѣ, младенческій, наивный народъ, не лишенный хитрости, но не коварный, часто жестокий, но въ общемъ только грубый, наконецъ, несомнѣнно, законопослушный и уважающій власть, хотя и упрямый и свободолюбимый, киргизы могутъ располагать къ себѣ, но могутъ внушать и чувства обратныя. Ихъ неразвитость, грязь, грубость вкусовъ и чувствъ, наконецъ, даже внѣшній видъ подчасъ внушаютъ больше, чѣмъ брезгливость, и русскій мужикъ-переселенецъ, сталкиваясь съ рядовымъ небогатымъ киргизомъ, ставитъ послѣдняго ни во что и не хочетъ признать ни его правъ, ни его человѣческаго существа: «у киргиза—не душа, а паръ».

Но составившіе нѣкогда три орды киргизъ-кайсаки да еще кара-киргизы ¹⁾ заняли слишкомъ большое пространство и

¹⁾ Кара-киргизы (черные киргизы) проживаютъ въ Семирѣченской области, въ бассейнѣ озера Иссыкъ-Куль, въ верховьяхъ рѣки Текеса, по долинамъ рѣкъ Чу и Таласа (Сыръ-Дарьинской области). Въ предѣлахъ Китая они живутъ по южному склону Тянь-Шаня. Ихъ-то и называли киргизами, тогда какъ остальные племена, нынѣ называемыя киргизами, правильнѣе называть «кайсаками». Одного племени съ кара-киргизами минусинскіе татары, иначе называемыя абаканскими. Авт.

составляют замѣтный элементъ населенія, чтобъ ихъ можно было забыть, какъ забываютъ про мелкія вырождающіяся племена. Киргизы имѣютъ свою родовую аристократію—султановъ, свои историческія преданія и легенды, свою интеллигенцію, представители которой обнаруживаютъ ипогда большую энергію и способности.

Все это даетъ основаніе подѣлиться хотя и отрывочными, но разнообразными наблюденіями надъ жизнью, характеромъ и бытомъ семирѣченскихъ киргизовъ, какъ въ степи, на ихъ пашняхъ, такъ и въ горахъ, на ихъ лѣтовкахъ ¹⁾.

I.

Первое знакомство съ киргизами.

Арасань.—Киргизское земледѣліе.—Обычная жизнь аула.—Угощеніе гостя.—Положеніе женщины.—Дорога на джайляу.—Природа въ горахъ.—Родовая связь у киргизовъ.—Жалобы ихъ.—Общія впечатлѣнія.

Раскачиваясь во всѣ стороны, медленно подвигалась по степи наша плоскодонная телѣга, прикрытая, какъ колпакомъ, рогожей на свитыхъ прутьяхъ (берданка). Впереди зеленѣла безконечная равнина, постепенно становившаяся все темнѣе. Передъ нами таранча-возница напѣвалъ пѣсню со смѣшнымъ припѣвомъ «Чурикъ-мурикъ» и съ любовью покрикивалъ на своихъ саврасокъ.

Таранчинское селеніе ²⁾, изъ котораго мы выѣхали, стало теряться изъ виду. Дорога становилась все хуже и наконецъ совсѣмъ пропала. Началась дикая степь, полоса киргизскихъ зимовокъ и пашень. Джигитъ ³⁾ нашъ, Менгли-Бай, чувствовалъ себя въ открывающемъ просторѣ, какъ чувствуетъ себя птица, выпущенная изъ клѣтки на воздухъ. Она купается въ волнахъ воздуха, поетъ и летаетъ, летаетъ безъ конца. Присядеть на вѣтку, осмотрится и снова летитъ—куда, она сама не знаетъ, опьяненная своей свободой, забывшая томительныя и сразу ставшія чужими и далекими впечатлѣнія клѣтки.

Такъ леталъ въ степи нашъ джигитъ. То онъ скакалъ карьеромъ и вдругъ, оставаясь въ сѣдлѣ, нагибался до самой земли, чтобъ сорвать красивый цвѣтокъ, то вдругъ снималъ свою шляпу и ловилъ пролетающую бабочку, то останавливалъ свою лошадь

¹⁾ Считаю долгомъ принести глубокую благодарность Е. Н. Кодряну и Н. О. Дубенецкому, предоставившимъ мнѣ свои фотографіи для иллюстрацій. Г. Г.

²⁾ См. нашу статью «Таранчи и дунгане», «Историческій Вѣстникъ» 1911 г., № 8.

³⁾ Конный разсылный киргизъ, съ казенной бляхой.

и затягиваль монотонную пѣсню, начинавшуюся такимъ затяжнымъ выкрикомъ, что слушаешь, слушаешь и, кажется, ужъ и конца ему не будетъ, но вотъ онъ обрывается, какъ вздохъ, и тянется грустный, однообразный мотивъ, отдаваясь далекимъ эхомъ.

Тихо. Людей нѣтъ. Киргизы въ горахъ, на джайляу; въ степи остались лишь запоздавшіе да еще стерегущіе посѣвы. Смотрѣть впередъ надоѣдаетъ. Оставшаяся позади громада горъ—въ облакахъ. Солнце подымается. Горизонтъ заволакивается сѣрой дымкой. Становится жарко. Мѣрное качаніе повозки убаюкиваетъ, и спутникъ мой, переводчикъ студентъ Б., семирѣченскій уроженецъ, уже приглядѣвшійся къ прелестямъ своей богатой родины, начинать дремать.

Вдругъ крикъ. Изъ камыша поднялась стая молодыхъ утокъ и, быстро, быстро замахавъ крыльями, полетѣла прочь. Охотничій инстинктъ джигита вылился въ крикъ,—не было ружья. Снова тишь. Но вотъ на горизонтѣ показываются бѣлый и красный флажки. Это признаки близкой стоянки, такъ какъ насъ предупреждали, что ближайшій аулъ находится недалеко отъ священнаго ключа, арасана, у котораго и поставлены флаги.

Ключъ былъ намъ по дорогѣ. Впрочемъ, дорогой едва ли правильно называть ту слабо протоптанную полосу-тропинку, по которой мы ѣхали, рискуя не разъ перевернуться. Послѣ крутого, но, къ счастью, небольшого спуска въ оврагъ мы увидѣли источникъ и въ нѣсколькихъ верстахъ дальше—аулъ.

Надъ маленькимъ естественнымъ бассейномъ съ чистой прозрачной водой раскинулись два роскошныхъ карагача (видъ тополя) съ шарообразными шапками листвы. Тамъ, гдѣ бассейнъ переходитъ въ ручеекъ, устроены палатки для купанья больныхъ ¹⁾. На деревѣ висятъ тряпочки и копилка. Тряпочки—скромныя подношенія паломниковъ, а копилка поставлена муллою, который живетъ въ землянкѣ у ключа, питаясь подаяніями. Когда мы пришли, мулла молился, и ничто не могло заставить его вернуться до окончанія молитвы. На рогожкѣ у ключа сидѣлъ больной, разслабленный киргизъ. Всѣ члены тѣла его дрожали; съ трудомъ поднявшись, онъ еле держался на ногахъ.

Выпивъ воды и осмотрѣвъ источникъ, мы отправились въ аулъ, гдѣ остановились въ первой большой юртѣ.

Жалкими показались мнѣ новые знакомцы. Хозяинъ нашъ былъ на рѣдкость безтолковъ и на вопросы, которые ему задавали, либо отзывался незнаніемъ, либо рассказываль такую чепуху, что его никто не понималъ. А болѣе молодые, изъ уваженія къ старшему (хозяину было подъ пятьдесятъ), не смѣли говорить и тоже

¹⁾ Маленькій Лурдъ.

молчали. Не мудрено, что всякіе вопросы ¹⁾ пришлось на время прекратить, пока не приѣхали другіе, болѣе толковые киргизы.

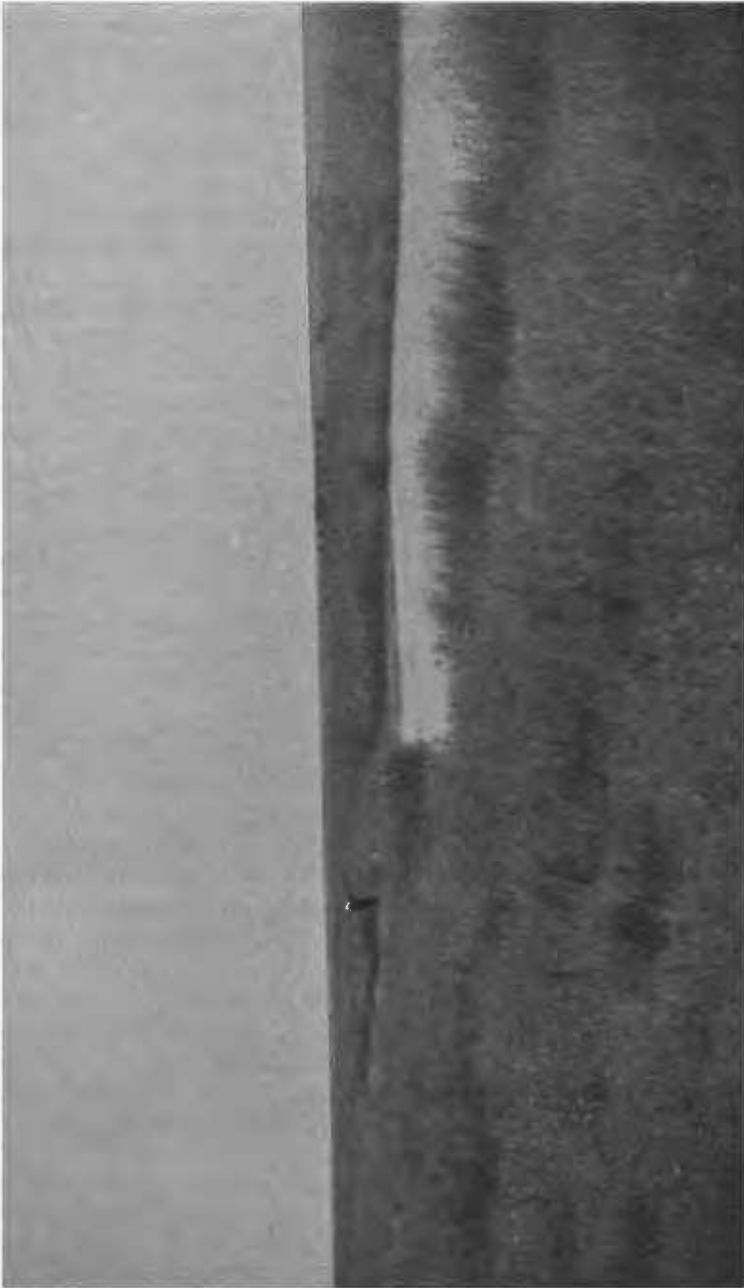
Мы углубились довольно далеко въ Приилійскую равнину. Съ пригорка открывались огромныя пространства, поросшія чіемъ и другими характерными для степи травами. Посѣвы занимають ничтожную часть этого пространства, и грустно видѣть, какъ половина этихъ посѣвовъ гибнетъ отъ безводья, какъ много земли съ системой заброшенныхъ поливныхъ канавъ (арыковъ) остается безъ посѣвовъ потому, что не хватаетъ воды, которую неразумно тратятъ другіе; какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дикое просо и итъкунакъ ²⁾, перемѣшанные съ бурьяномъ, свидѣтельствуютъ о не использованныхъ силахъ земли. Но кое-гдѣ торчатъ вѣхи топографовъ. Производится съемка, и вѣхи напоминають о томъ, что кто-то думаетъ объ этой землѣ, а маленькіе флаги на этихъ вѣхахъ говорятъ о будущей побѣдѣ культуры.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равнины темнѣють небольшими пятнами киргизскіе сады. Сады эти—просто рядъ или группа деревьевъ, насаженныхъ у пашни или зимовки. Какъ первобытны и пашни эти, и зимовки, и сады. Но надо тутъ же замѣтить, что не спитъ уже степь мертвымъ сномъ. Смутную тревогу поселили въ дѣтахъ степи вышки царскихъ чиновниковъ и уже тамъ и сямъ появляются прозорливые киргизы, которые не изъ нужды, а изъ расчета мѣняютъ бѣлоснѣжныя горы на темную каштановую равнину. И у этихъ киргизовъ уже не случайныя и безсистемныя запашки, а правильное, хорошо и сознательно поставленное сельское хозяйство съ пшеницею на первомъ планѣ, съ хуторами, съ домиками вмѣсто юртъ и съ настоящими фруктовыми садами возлѣ жилищъ.

По разсказамъ случайнаго знакомаго въ дорогѣ, я зналъ одного такого киргиза Бильдебая. И мнѣ пришлось побывать у него въ гостяхъ. Бильдебай образцовый хозяинъ и вліятельный человекъ. Онъ знаетъ самоучкой русскую грамоту и много русскихъ словъ. Онъ прекрасный охотникъ, знающій и любящій свое дѣло, садоводъ и у него на хуторѣ, кромѣ двадцати десятинъ хлѣба, еще пять десятинъ сада. «Глупъ,—говоритъ онъ,—киргизъ, который сидитъ со своими баранами и не чувствуетъ, что земля уходитъ изъ его рукъ. Только въ землѣ вѣрное богатство. Я лишній рубль не истрачу на скотину, а куплю себѣ новыя деревья для сада. Мои сосѣди «цыкають» и смѣются надо мною, но они послѣ увидятъ, кто былъ правъ». Бильдебай, способнѣйшій человекъ, не даромъ терся во-

¹⁾ Цѣлью поѣздки было изученіе воднаго хозяйства. Результаты обследованія напечатаны въ «Вопросахъ колонизаціи», №№ 6, 7, 9 и вышли отдѣльными брошюрками.

²⁾ Кормовая трава для скота (на югѣ Россіи называемая—парынка), «ить»—значить собака,—распространенное у киргизъ ругательство, здѣсь значить «дикая».

Видь киргизской степи.

кругъ русскихъ, онъ многому научился и сумѣлъ всякими, въ томъ числѣ, конечно, и предосудительными средствами нажить деньги, а его сынъ будетъ учиться въ гимназіи.

Много мнѣ приходилось потомъ въ Приліійской равнинѣ видѣть запаханныхъ киргизами земель, видѣлъ я у нихъ даже машины Макъ-Формика, но справедливость требуетъ сказать о массѣ, что земледѣльческое хозяйство киргизовъ стоитъ ниже, чѣмъ у прочаго населенія и что разбросанныя клочьями безсистемныя киргизскія пашни безжалостно дробятъ крупный земельный запасъ, такъ что безъ смѣщенія киргизовъ невозможно правильное заселеніе земель. Но справедливость требуетъ и другого—благожелательнаго и разумнаго земельного вознагражденія смѣщенныхъ. Семирѣчье обладаетъ ограниченномъ запасомъ земель, которыя были бы пригодны для земледѣлія безъ крупныхъ затратъ на осушеніе и орошеніе. Семирѣчье рѣзко отличается характеромъ своей поверхности отъ однообразныхъ степныхъ областей и потому здѣсь смѣщеніе киргизовъ бываетъ опасно и жестоко по своимъ послѣдствіямъ. Необходимо поэтому скорѣйшее изданіе закона о землеустройствѣ семирѣченскихъ киргизовъ, а еще лучше—о землеустройствѣ всѣхъ туземцевъ и старожилловъ, чтобъ дѣло колонизаціи прочно покоилось на нормальномъ развитіи всего населенія и чтобъ колонизація проходила мирно, безъ темныхъ пятенъ насилія и обидъ.

Шелъ мелкій дождь. Лѣнныя киргизы сидѣли безъ дѣла въ юртѣ, куда то и дѣло пріѣзжали посмотрѣть на насъ столь же бездѣятельные сосѣди. Вокругъ юртъ суетились однѣ только женщины. Онѣ—истинныя рабыни. Если у таранчей женщина считается за полчеловѣка, такъ какъ только двѣ женщины составляютъ свидѣтеля, то у киргизовъ она, пожалуй, вовсе не человѣкъ. Покупаемая за калымъ, она составляетъ какъ бы часть имущества. Когда мужъ умираетъ, жена переходитъ къ брату, либо продается за калымъ жениху, развѣ только она слишкомъ стара или имѣетъ много дѣтей. Одинъ изъ киргизовъ, показывая мнѣ свою жену, хвалилъ ее за то, что она приноситъ ему одну прибыль. Онъ заплатилъ за нее двадцать лошадей, а она родила ему трехъ дочекъ, которыхъ онъ продастъ за сто лошадей. Мой джигитъ при этомъ одобрительно похлопалъ «бейбише»¹⁾ по спинѣ. Когда жены отправляются въ гости къ роднымъ, имъ обычно дѣлаютъ подарки. Поэтому ихъ посѣщенія, разорительныя для дома, не очень желательны. Наша «бейбише» получила первый разъ корову, а второй разъ вернулась съ пустыми руками. Третій разъ она уже не поѣдетъ.

Хозяинъ мой занималъ самую большую юрту изъ пяти, расположенныхъ на одной полянѣ. Во всѣхъ пяти жили родственники. Главной аула, какъ самый старшій, былъ нашъ хозяинъ.

¹⁾ Такъ называется старшая жена.

Привыкнувъ къ намъ, онъ сталъ разговорчивѣе и приказалъ зарѣзать въ честь «кунака» барана. Мы противились этому угощенію, за которое полагается, въ свою очередь, отблагодарить подаркомъ, но барана все-таки зарѣзали. Джигитъ объяснилъ, что иначе нельзя, потому что баранъ, котораго думали зарѣзать и пожалѣли, все равно издохнетъ, а за гостепріимство Аллахъ наградитъ. Передъ тѣмъ, какъ рѣзать барана, его привели въ юрту, хозяинъ прочелъ короткую молитву, а всё въ это время держали ладони впередъ и, по окончаніи молитвы, наложили руки на лицо, словно умываясь.

Сусамырская дорога у рѣки Караколь.

Вареное мясо принесли въ мискахъ, и я долженъ былъ взять себѣ первый кусокъ, а остальное раздать по рангу присутствующимъ. Раздачею занялся мой спутникъ Б., который и за чаемъ съ нарочитой важностью раздавалъ всё по куску сахара и по куску хлѣба. У киргизовъ это большіе гостинцы. Обыкновенно женщины, которыя больше всѣхъ работаютъ, либо ничего не получаютъ во время пиршества, либо получаютъ объѣдки, оставшіеся послѣ всѣхъ. Б. давалъ имъ сахаръ и маленькіе кусочки баранины, и онѣ брали только тогда, когда имъ разрѣшалъ «бай» кивкомъ головы.

У женщинъ тоже есть ранги. Младшія встаютъ и кланяются въ поясъ не только, когда входятъ мужчины, но и когда входятъ старшія женщины. У сына нашего хозяина была молодая жена,

только зимою взятая замужъ. Она нарядно одѣта въ красную блестящую безрукавку, сапоги ея еще не покоробились и выглядят новенькими: словомъ, все приданое, которое обыкновенно дается за калымъ и равно половинѣ стоимости послѣдняго, еще не истрепалось, и молодуха не обратилась въ тѣхъ грязныхъ, утомленныхъ женщинъ-киргизокъ, какихъ обыкновенно видишь. Образцомъ красоты киргизы считаютъ русскихъ дѣвушекъ. Мнѣ рассказывали, что одинъ богатый киргизъ заплатилъ за русскую дѣвушку восемь тысячъ рублей, много лошадей да еще отдалъ въ придачу двѣсти десятинъ подъ пашню.

Большею частью дѣвушекъ «тащатъ», и тогда платятъ маленькій калымъ, какъ за испорченныхъ. Тащатъ, впрочемъ, съ вѣдома и согласія обѣихъ сторонъ. Менгли-бай, мой джигитъ, рассказывая про свою семью, говорилъ, что отецъ женилъ уже двухъ старшихъ сыновей и теперь обѣщалъ дать калымъ и за него, такъ что осенью онъ будетъ смотрѣть дѣвокъ, а потомъ будетъ «тащить». Такъ какъ калымъ выплачивается иногда въ теченіе продолжительнаго времени, то женихъ, уплативъ больше половины, считаетъ уже невѣсту своею и на его посѣщенія смотрятъ обыкновенно сквозь пальцы, иногда способствуя свиданіямъ.

Спали въ юртѣ всѣ вмѣстѣ, такъ какъ шелъ дождь и получить отдѣльную юрту значило выгнать хозяевъ. Если бы осталось мѣсто, вѣроятно, ночевали бы въ одной съ нами юртѣ и молодые супруги. Мой спутникъ, мѣстный уроженецъ, поразилъ меня тѣмъ, что, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ женщинъ, преспокойно раздѣлся и гулялъ въ одномъ бѣльѣ, но джигитъ Менгли-бай, продѣлалъ то же, и я убѣдился, что это одинъ изъ обычаевъ: Женщина вѣдь не человѣкъ. Заснули скоро, и смутно сквозь сонъ я слышалъ крики и шумъ, когда собаки подняли тревогу и пастихи выбѣжали пугать и отогнать завывавшаго голоднаго волка.

Когда я проснулся утромъ, въ юртѣ стояла невыносимая вонь ¹⁾. Вслѣдствіе дождя все было закрыто и вентиляціи никакой не было. Киргизскія юрты состоятъ изъ складныхъ плетеныхъ стѣнокъ и плетеной изъ жердей конусообразной крыши. Все покрыто толстымъ войлокомъ. Отверстіе въ видѣ кольца оставляется лишь для выхода дыма на самомъ верху крыши, кромѣ того, оставляется еще четырехугольное отверстие для дверей. Во время дождя и на ночь все это закрывается. Въ юртѣ ночуетъ человѣкъ десять да еще нерѣдко и молоденькій ягненокъ или козленокъ. Оттого-то и получается въ концѣ концовъ убійственная атмосфера.

Женщины, когда я проснулся, были уже на ногахъ и пили «айранъ»—баранье кислое молоко, которое сварили вечеромъ. По-

¹⁾ Ночевка въ киргизскихъ юртахъ, особенно у малосостоятельныхъ киргизовъ, самое непріятное изъ-вспоминаній поѣздки.

Тилы кыргызовъ.

томъ онѣ развернули грязную тряпку и стали грызть кости, оставшіяся отъ вечерняго ужина. Намъ подали тоже айранъ да еще жареное просо въ молокъ. Показалось вкусно.

Лошади наши куда-то забрели, и когда я вышелъ изъ юрты, то увидѣлъ на пригоркѣ джигита, разославшаго во все стороны гонцовъ и наблюдавшаго за ними, подобно полководцу, съ вершины холма. Только черезъ часъ все четыре лошади отыскались, и мы двинулись дальше. А наши хозяева сейчасъ же вслѣдъ за ними стали складывать юрты: они отправились въ горы.

Киргизы, зимовки которыхъ расположены въ бассейнѣ рѣки Талгаръ, лѣтомъ отправляются обычно въ горныя щели, гдѣ начинается эта рѣка. Могучій массивъ Талгара разсѣченъ кипящими потоками на нѣсколько частей. Иныя изъ нихъ еще настолько дики, что въ нихъ попадаются тигры, какъ въ камышахъ Прибалхашской равнины. Въ Талгарскія горы отправились и наши хозяева. Спустя нѣсколько дней и мы поѣхали на джайлау (горное пастбище), въ одно изъ ущелій Талгара. Горы, окружающія городъ Вѣрный и горы Талгаръ въ особенности, очень круты и кажутся издали недосягаемыми, потому я убѣдился, что это не только кажется.

Нѣсколько часовъ мы ѣхали берегомъ пѣнящейся, съ синимъ отливомъ рѣчки. Горы все надвигались на насъ, и незамѣтно ближайшіе холмы вырастали въ крутыя громады, а грозныя вершины горъ стали теряться изъ виду. Ущелье обросло кустарникомъ и пышной травой съ макообразными, яркими цвѣтами, сочной мальвой и гордымъ широколиственнымъ и стройнымъ эремурусомъ.

Переѣхали послѣдній мостъ, миновали пасѣку самовольно забравшагося въ горы казака и скоро увидѣли первые аулы. Но еще мы были невысоко. Первые пышныя ели одиноко красовались среди другихъ деревьевъ.

На склонѣ предгорья не разъ показывалось пестрое платье дородной казачки. Первые изъ попадавшихся на пути юрты были черныя и грязныя: всегда низовья занимаютъ бѣдняки.

Дорога все подымалась, порою горы становились скалистыми и почти смыкались. Надъ головой висѣли безпорядочныя глыбы красноватыхъ или зеленоватыхъ отъ мха камней, а далеко наверху виднѣлась полоса голубого неба. Огромныя ящерицы перебѣгали дорогу; пролетали синеворонки. Все было удивительно ярко и красиво въ этой первобытной дѣвственной природѣ.

Снова открывалась щель. Видились новыя складки горъ, и на нихъ маленькими точками выдѣлялись киргизскія юрты и еще меньшими, чуть замѣтными кочками, казался скотъ.

Переѣзжали въ бродъ рѣчки. Сильная вода маленькихъ водопадовъ пугала лошадей. Да онѣ и устали и неохотно подвигались

дальше. Погода портилась. Въ горахъ она измѣнчива и своенравна. Хотя мы выѣхали въ сильную жару, при совершенно безоблачномъ небѣ, но уже къ полудню вершины горъ погрузились въ облака, и скоро пошелъ дождикъ. Мы закутались и взобрались все-таки довольно высоко, остановившись на почлегѣ у богатаго и родовитаго киргиза Казангапа Байбекова. У него двѣнадцать сыновей, которые уже умерли, оставивъ женъ и дѣтей. Юрта одного изъ этихъ сыновей была предоставлена намъ.

Родовая связь у киргизовъ Семирѣченской области довольно сильна. Это и понятно. При неразвитости земледѣлія, которое носитъ второстепенный подсобный характеръ, кормиться самостоятельнымъ трудомъ негдѣ, создается экономическая зависимость отъ старшихъ: они даютъ лошадей, даютъ скотъ. Жену покупаютъ за калымъ, который даетъ отецъ. Если послѣдній бѣденъ, то приходится отказываться отъ брака и долго собирать средства; если же онъ даетъ калымъ, то создается зависимость семейная. И вотъ юрта родоначальника остается въ центрѣ, а юрты другихъ ставятся вокругъ нея. Чѣмъ родовитѣе человѣкъ, тѣмъ больше у него вліянія: хотя бы онъ и не былъ очень богатъ, его выбираютъ въ старшины, въ бій (судьи). Когда какой-либо родъ побѣждаетъ на выборахъ, а это нерѣдко обусловлено всевозможными ухищреніями: подкупомъ писаря, фиктивнымъ исчисленіемъ кибитокъ,—тогда побѣжденному роду приходится солоно. Казангапъ принадлежитъ къ партіи побѣдителей. Выше его находится джайляу народнаго судьи, принадлежащаго къ противной сторонѣ.

Казангапъ и бій разсорились, и это понятно. Партія побѣдителей едва ли оставитъ прежній составъ народныхъ судей: это было бы опасно, такъ какъ сѣзды народныхъ судей и судьи въ отдѣльности нерѣдко пользуются своею властью, чтобъ обвинять нежелательныхъ имъ лицъ въ фиктивныхъ преступленіяхъ. Злоупотребленія и поразительные архаизмы киргизскаго народнаго суда и судопроизводства всемъ извѣстны. Стоитъ сказать, что въ доказательство уплаты денегъ судьи нерѣдко требуютъ отъ сторонъ цѣлованія пятокъ противника.

На другой день (это было 14-го іюня) мы отправились еще выше въ горы. Дорога была очень трудна: приходилось переѣзжать бурныя рѣчки, подыматься по крутымъ утесамъ, по скользкой, вьющейся винтомъ тропинкѣ. Отъ постоянного дождя каменные склоны горъ особенно скользки, и подъемъ очень опасенъ. Лошади то и дѣло спотыкаются. Одно время тропинка въ аршинъ—полтора шириной идетъ надъ бездной. Невольно начинаешь думать о томъ, за какой кусть схватиться при паденіи. И вдругъ тропинка опускается внизъ въ узкое ущелье, гдѣ вода идетъ подо льдомъ и гдѣ видно лишь, какъ она бросается внизъ съ горъ, теряется и потомъ вновь выбивается на свѣтъ изъ-подъ сѣрой грязноватой массы

снѣга, прикрывающей ледъ. По этому естественному мосту маленькаго ледника приходится ѣхать и намъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ горы била широкая, горячая струя, отъ которой подымался парь. Струя падала лентой въ пропасть.

Старикъ, девяноста лѣтъ отъ роду, отецъ Казангапа, расположился на джайляу выше всѣхъ своихъ сородичей. Мы доѣхали къ нему и были у подножья снѣговъ, но до вершины было отсюда все еще очень и очень далеко. Чѣмъ выше подымаешься, тѣмъ дальше она уходитъ. Впрочемъ, чувствовалась уже замѣтно значительность высоты. Голова кружилась при взглядѣ на потокъ, струившійся внизу. Отъ юрты до юрты съ непривычки было трудно добраться безъ палки: такъ крутъ былъ подъемъ.

Старый Байбековъ, въ знакъ уваженія, приложилъ, здороваясь съ нами, свою руку ко рту и лбу. Онъ уже зналъ о пріѣздѣ чиновниковъ въ горы. У киргизовъ своя почта. Всякая новость разносится по степи и въ горахъ, какъ будто по телеграфу. Завидитъ праздный всадникъ какую-нибудь незнакомую фигуру, онъ остановится, острый взоръ его опредѣлитъ сейчасъ, кто ѣдетъ. За много верстъ этотъ проникающій взоръ видитъ все вокругъ, и киргизъ сейчасъ же слѣшитъ сообщить о новости своимъ роднымъ и сосѣдямъ. За хорошую новость полагается «суюнча», особый подарокъ.

Во время поѣздки внизу, въ равнинѣ, мнѣ пришлось встрѣтиться съ бѣднякомъ киргизомъ, у котораго, яко бы за потраву, отняли таранчи барана. Благодаря мнѣ, баранъ былъ возвращенъ. Объ этомъ скоро узнала вся волость. А такъ какъ таранчи и казаки нерѣдко обираютъ киргизовъ во время ихъ перекочевокъ, то всѣ обрадовались русскому чиновнику, который, по ихъ мнѣнію, присланъ для защиты киргизовъ. Вотъ почему старикъ Байбековъ сталъ сразу же жаловаться мнѣ на обиды, которыя терпитъ киргизскій народъ.

— Что вы, — говорилъ онъ: — слѣпые что ли? Развѣ вы не видите, какъ у насъ отняли землю, воду, джайляу. Мы не можемъ теперь прийти свободно на пастбище, по дорогѣ насъ грабятъ и таранчи и казаки, перекочевка обходится каждый разъ до пятидесяти рублей отдайте намъ землю и пастбище или убейте совсѣмъ.

Жалобамъ не было конца.

«Мы — овцы, таранчи — волки, а русскіе — прямо тигры. Въ городъ нельзя пріѣхать безъ джигитовъ (молодыхъ людей), такъ какъ всякій мальчишка бросаетъ камень. Казаки забираютъ уже и джайляу. Рядомъ съ нами они строятъ деревянные дома и пасутъ свой скотъ, вытѣсняя киргизовъ съ ихъ родовыхъ пастбищъ, которыя не смѣетъ у нихъ никто отнять». На джайляу каждый ручей носитъ названіе какого-нибудь изъ умершихъ предковъ, на джайляу поминаются умершіе (троекратное въ сутки пѣніе женщинъ и тризны), на джайляу готовится и пьется священный веселящій напитокъ, кумысъ. Киргизъ откажется отъ чего угодно,

Типы кыргызов.

но только не отъ джайляу—кочевой народъ, народъ скотоводовъ не можетъ ничѣмъ дорожить больше, чѣмъ горными пастбищами и высокими, до снѣговъ доходящими, сочными альпійскими лугами.

Мы пили чай съ баурсаками. Это печеные въ бараньемъ салѣ хлѣбцы, величиной и формой напоминающіе конфеты-подушечки. Они были разбросаны на достарханѣ, какъ называютъ киргизы скатерть, разстилаемую во время ѣды на коврѣ. Сквозь дверь юрты видѣлись высокія горы, закрывающія небо, съ огромными вѣковыми елями, съ шумящими потоками, сверкающими бѣлой пѣной, и нельзя было не понять любовь киргизовъ къ ихъ горному простору. Первобытная жизнь, легкая, свободная отъ тяжелаго труда, ты создана не для двадцатаго вѣка!

Жалобы киргизовъ преувеличены. Горныя пастбища отъ нихъ никто пока не отнимаетъ, но, дѣйствительно, свобода ихъ шагъ за шагомъ все болѣе и болѣе стѣсняется. Скотопрогонныя дороги въ двѣ-три версты шириною, проложены по плодородной мѣстности. Конечно, онѣ запахиваются заимщиками, которые ловятъ киргизскій скотъ и требуютъ выкупа за поправу. Съ берданкой въ рукахъ, казакъ проникаетъ и въ горы, но обыкновенно онъ не заходитъ далеко вглубь ихъ, ограничиваясь устройствомъ пасѣнки или выпасая немногочисленный скотъ. Едва ли не болѣе врагъ киргиза въ горахъ—интересъ лѣсного хозяйства. Для охраненія молодого лѣса отъ киргизскаго скота полезно ограничить ихъ доступъ въ нѣкоторыя горныя щели. Тѣмъ болѣе, что лѣсникъ, получающій восемь рублей въ мѣсяцъ и обязанный содержать на эти деньги и себя и двухъ лошадей, не можетъ существовать безъ взятокъ и щедро продаетъ казенный лѣсъ.

Въ одной изъ юртъ, окружавшихъ отведенную для насъ, жили двѣ вдовы съ дѣтьми. Три раза въ день онѣ опускали красивую занавѣску и за нею пѣли свою печальную пѣсню о покойныхъ супругахъ. Младшая вдова находится въ полномъ подчиненіи у старшей, и на нее кричатъ даже дѣти старшей вдовы. Киргизы обыкновенно берутъ вторую жену съ разрѣшенія «бейбише», какъ называется первая, старшая жена, которая бываетъ рада получить себѣ подчиненную ей помощницу въ хозяйствѣ. Характерно, что у девяностолѣтняго старика Байбекова и у пятидесятивосьмилѣтняго нашего хозяина были грудныя дѣти. А обѣ вдовы, какъ я замѣтилъ, очень охотно перемигивались съ джигитомъ. Послѣдній необыкновенно доволенъ путешествіемъ. Его угощаютъ, сажаютъ на почетное мѣсто (джуварчикъ), исполняютъ его приказанія, а работы у него нѣтъ никакой, если не считать укладки вещей и исполненія нѣкоторыхъ порученій.

Я спрашивалъ, какъ существуютъ джигиты уѣздныхъ управлений, получающіе сто рублей жалованья въ годъ. Оказалось, что всякій разъ, когда они пріѣзжаютъ съ пакетами, имъ обязаны, кромѣ

угощенія, давать подарки, и эти подарки бывають иногда очень цѣнные, вотъ отчего такъ боятся киргизы и таранчи появленія джигита. Всякій чиновникъ въ ихъ глазахъ источникъ зла. Когда я позвалъ одного киргиза написать расписку, въ томъ, что онъ получилъ деньги за лошадь, бѣдняга дрожалъ, какъ осиновый листъ, его рука не могла держать пера, и онъ потомъ съ жалобой спрашивалъ джигита, что это на него написали.

Въ общемъ, все фізіономіи дикарей. Дѣти сзади подстрижены, а спереди висятъ космы. Дѣвушки некрасивы. Женщины еще хуже, онѣ грубѣють отъ тяжелой работы безъ отдыха и изнуряются отъ недосыпанія.

У одной юрты сынъ моего хозяина поссорился съ ея обитателями, и чуть не произошла драка. Остервенѣвшая женщина взялась за дубину, мальчишка бросилъ топоромъ, сквернословія и ругательства выкрикивались дикимъ голосомъ, и ссорившихся еле удалось успокоить, разогнавъ ихъ нагайками.

Поѣздка въ горы, несмотря на то, что дождь шелъ почти не переставая, несмотря на холодъ и на то, что часто насъ окутывалъ густой туманъ, закрывая отъ глазъ всю великолѣпную картину, была все же очень пріятна и интересна.

Въ дневникъ свой подъ впечатлѣніемъ первой поѣздки въ горы я занесъ маленькое стихотвореніе, названіе его «Киргизскіе мотивы»:

У подножья вершины одной,
Гдѣ холодной и сильной струей
Длинный путь свой ручей начинаетъ—
Тамъ могильнымъ сномъ почиваетъ
Чарыкъ-бай, молодой волостной.
    Подъ тяжелымъ, высокимъ холмомъ,
    Гдѣ одинъ лишь скалы кругомъ
    И не видно, не слышно людей—
    Тамъ Чарыкъ «бѣлусъ» спитъ ¹⁾,
    Выше всѣхъ онъ зарытъ
    Тѣсною группою родныхъ и друзей.
Когда тихо и ясно, то въ вечера
Близъ могилы, у самыхъ истоковъ ключа,
Двѣ вдовы Чарыкъ-бая проводятъ
И, тоскуя о мужѣ покойномъ своемъ
Онѣ грустную пѣсню заводятъ:
    «Зовуть тебя, о добрый бай,
    Двѣ неутѣшныя вдовы,
    Откликнись, голосъ свой подай,
    Себя и счастье намъ верни».
Но все молчитъ. Послѣдній лучъ
Блеснулъ и за горою скрылся.
И только шумный горный ключъ
И день и ночь въ ущельѣ бился.

¹⁾ Бѣлусъ—киргизское названіе волостного.

Чтобъ получить вѣрныя свѣдѣнія, касающіяся киргизскаго хозяйства, было полезно сдѣлать еще одну большую экскурсію въ горы на такое джайляу, гдѣ на лѣто собирается нѣсколько волостей. Подобной мѣстностью является «Тургенское джайляу», на востокъ верстъ шестьдесятъ-семьдесятъ отъ Вѣрнаго. Поѣздка на это джайляу дала мнѣ еще больше впечатлѣній о жизни и характерѣ киргизовъ. Мы совершили ее въ началѣ іюля.

II.

Жизнь киргизовъ въ горахъ.

Выборы.—Администрація.—Переваль Бозъ-Унгень.—Обстановка богатой юрты.—Похороны.—Свадьба.

Ущелья Талгара дики и величественны, но въ нихъ нѣтъ простора. Горы изумруднаго озера Иссыкъ очаровательны, какъ и тотъ дивный самоцвѣтъ, что лежитъ на днѣ ихъ. Онѣ, однако, какъ гордыя красавицы, соблазнительны, но неприступны и непривѣтливы. Совсѣмъ иного типа тѣ горы, въ которыхъ начинается рѣка Тургенъ. Онѣ сравнительно покаты, въ нихъ нѣтъ недосягаемыхъ, вѣчно сіяющихъ снѣжныхъ вершинъ, и между отдѣльными отрогами и развѣтвленіями горнаго хребта то и дѣло попадаются широкія, зеленыя долины. Въ этихъ долинахъ собирается много киргизскихъ волостей, и веселая, беззаботная жизнь кипитъ здѣсь все лѣто, отъ середины мая почти до конца іюля или начала августа, когда становится холодно, выпадаетъ снѣгъ и начинаютъ вновь серебриться недавно потемнѣвшія вершины. Въ теченіе всего лѣта Тургенскія горы кормятъ киргизскій скоть, но остаются зелеными и свѣжими и богатыми сочною травою.

Тургенскія горы изобилуютъ удобными и широкими долинами. Какъ часто бываетъ въ горахъ, эти долины открывались глазу путника совершенно неожиданно. Только что проѣхали одно узкое ущелье, какъ будто разсѣлину скалы, и попали черезъ искусственныя ворота на луга, гдѣ одна подлѣ другой расположились десятки юртъ, какъ уже снова очутились въ узкомъ, темномъ ущельѣ, гдѣ прозрачный ручей катилъ и ворочалъ по темному, блестящему дну острые валуны. Деревья висѣли надъ головой, какъ бы грозя свалиться. Ущелье не расширялось. Впереди видна была густая чаща. И вдругъ одна стѣна ущелья уходитъ, и передъ глазами открывается вновь широкая и длинная, Богъ знаетъ гдѣ кончающаяся долина.

На одной изъ этихъ Тургенскихъ долинъ увидѣли мы всадниковъ безъ числа. Прямо жутко было съ непривычки видѣть такое множество чуждыхъ своему племени людей въ остроконечныхъ шапкахъ, широкихъ шароварахъ и теплыхъ армякахъ, ко-

Водопад Большой Алматинки.

торые собрались въ этой долинь и ѣхали туда со всеѣхъ сторонъ по склонамъ горъ. Нашъ джигитъ, увидѣвъ эту несчетную киргизскую «силу», пришелъ въ экстазъ; не спросивъ разрѣшенія, онъ съ гикомъ и пронзительнымъ свистомъ помчался карьеромъ въ толпу и скоро скрылся изъ виду.

Скоро мы узнали, въ чемъ дѣло. Черезъ недѣлю ожидались выборы волостныхъ и аульныхъ старшинъ, и здѣсь собрались выборщики для агитаціи и предварительныхъ обсужденій возможныхъ кандидатуръ.

Въ центрѣ поляны, гдѣ толпище было особенно густо, видно было, какъ время отъ времени сталкивались между собою отдѣльныя группы, слышались оттуда буйные крики и глухой гулъ одобренія и недовольства. Одному киргизу выбили глазъ, и драка приняла серьезный оборотъ. Иногда кровопролитія на выборахъ («сайляу») бываютъ оченъ жестоки и серьезны.

Подъѣзжаемъ ближе. Передъ нами въ разныхъ мѣстахъ плотные круги всадниковъ; посреди круга сидятъ на корточкахъ старики и совѣщаются. Молодежь ждетъ рѣшенія. Въ другихъ мѣстахъ свищутъ нагайки, видны дерущіеся, и полицейскіе джигиты скачутъ разнимать ихъ. Къ намъ подъѣзжаетъ киргизъ и проситъ размѣнять десятирублевку. Мѣняемъ, онъ благодаритъ и быстро уѣзжаетъ. Ему нужны серебряныя монеты для подкуповъ.

Таковы предвыборныя собранія. Интересное и поучительное зрѣлище, воочію представляющее «достоинство» выборной системы у некультурнаго населенія. Сколько жестокости, лжи, подлоговъ вызываютъ эти выборы.

Волостному дорого обходится полученіе мѣста, но еще дороже обходится это мѣсто всей киргизской волости. Послѣ своего утвержденія въ должности волостной назначаетъ каждой кибиткѣ, что она должна ему подарить («кара-чигинъ»). И вскорѣ ему пригоняютъ табуны лошадей, стадо барановъ, приносятъ кошель съ рублями и много всякаго другого добра. Выгодно быть волостнымъ, и потому клятвамъ при выборахъ нѣтъ конца. Въ канцеляріи приставовъ (участковыхъ начальниковъ) поступаютъ одна за другою жалобы и доносы, цѣль которыхъ опорочить нежелательныхъ кандидатовъ и устранить опасныхъ соперниковъ.

Между тѣмъ, мы уже проѣхали долину и снова подымались въ горы. Стало вечерѣть и намъ предстояло найти подходящій ночлеги.

Остановились мы у волостнаго тургенскихъ киргизовъ. Это настоящій «бай», выхоленный, съ умнымъ лицомъ, съ замашками чловѣка, привыкшаго показывать свою власть. Онъ отвѣчаетъ медленно, съ достоинствомъ, какъ будто позѣвывая и ожидая, когда, наконецъ, отвязнутся. Эта манера оченъ цѣнится рядовымъ киргизомъ, который диву дается, какъ можно такъ не бояться начальника (тюре). Костюмъ у него болѣе элегантный, чѣмъ у другихъ. Чистая

Малое Алматинское ущелье.

бѣлая рубаха у шеи переходитъ въ отложной, не накрахмаленный, но все же стоячій воротничекъ, а на груди скрѣплена чѣмъ-то въ родѣ галстука. Дочь этого волостного вмѣсто платка, какъ обыкновенныя киргизки, носитъ на головѣ мѣховую круглую шапку. По курьезному совпадению прихотливыхъ вкусовъ, форма ея напоминаетъ тѣ уродливыя женскія шляпы, которыя носятъ европейскія модницы — трудно даже сказать, что болѣе карикатурно: шляпы европейскихъ женщинъ съ чудовищными полями и необыкновеннымъ перомъ, или азиатскій женскій цилиндръ съ серебрянымъ позументомъ, какой-то кисточкой на доньшкѣ и мѣхомъ, шириной съ доброе боа, вмѣсто полей. Первое на Тургенскихъ горахъ, Тюре-джайляу бѣдно лѣсомъ, но имѣетъ свою прелесть—широкіе виды черезъ щели низкаго сравнительно кряжа на Приилійскую долину и Джунгарскій Алатау.

Въ той же мѣстности, гдѣ мы остановились на ночлегъ, еще версты на полторы-двѣ выше въ горы жилъ приставъ Тургенскаго участка, штабсъ-капитанъ В. Это былъ молодой симпатичный и интеллигентный человѣкъ, гостепріимный, добродушный и веселый, какъ настоящій русакъ.

Полицію Туркестанскаго края правильнѣе называть военною администраціею. Уѣздные начальники и участковые пристава—офицеры. За немногими исключеніями, личный составъ администраціи стоитъ довольно высоко. Правда, отвѣчать всѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявляемы къ начальникамъ уѣздовъ и участковъ, современный составъ ихъ не можетъ. Но это и немыслимо при тѣхъ низкихъ окладахъ содержанія, которые теперь выдаются, и при тѣхъ чрезвычайно сложныхъ и отвѣтственныхъ функціяхъ, которыя несетъ администрація. Участковый приставъ не только охраняетъ порядокъ въ своемъ участкѣ, но онъ же въ роли крестьянскаго начальника является судьей по крестьянскимъ дѣламъ, въ роли охранителя благоустройства ему нужно слѣдить за дорогами, мостами, за системой поливныхъ канавъ; за отсутствіемъ врачей и агрономовъ—къ нему обращаются просить лекарствъ и совѣтовъ. И помимо всего этого приходится вести большую переписку, отвѣчать на сотни предписаній, прошеній и т. д. Каждый чиновникъ считаетъ нужнымъ просить у пристава содѣйствія, жаловаться ему на киргизовъ, просить проводника и лошадей. Сколько же надо имъ силы воли, чтобъ не растеряться въ этомъ многообразіи обязанностей, чтобъ сохранить свой авторитетъ и престижъ власти среди кочевого и осѣдлаго населенія на большой территоріи, гдѣ сталкивается столько непримиримыхъ интересовъ и гдѣ столько племенной вражды.

Для пристава выстроена была огромная юрта, сажени три въ діаметрѣ и хотя она стояла выше всѣхъ другихъ юртъ, но надъ нею еще была полоса лѣса, и виды кругомъ были восхитительны.

Алматынскій пикъ.

Только 5-го іюля, и то съ неохотой, выбрались мы изъ Тюре-джайляу, гдѣ получили не одно удовольствіе, но и много необходимыхъ и полезныхъ свѣдѣній. Направились дальше. Ъхали все время горами. Смѣна лошадей черезъ каждые полтора-два часа сильно задерживала насъ. При каждой смѣнѣ приходилось имѣть дѣло со свирѣпыми киргизками, у которыхъ отнимали лошадей джигиты, приходилось разбирать споры и иногда отдавать лошадей, когда претензіи были справедливы. Путь былъ очень интересенъ. Приходилось переѣзжать одну за другой живописныя щели съ могучими елками и шумящими ручьями. Какіе привлекательные и уютныя курорты могли бы найти себѣ мѣсто въ Тургенскихъ горахъ, хотя бы въ Кіикпайской щели, гдѣ мнѣ пришлось заночевать. Утромъ солнце уже освѣтило вершины горъ, но въ нашу щель оно долго не могло проникнуть. Высокій восточный склонъ не допускалъ къ намъ солнечные лучи, а они въ горахъ столь же пріятны, сколь мучительны въ долинѣ.

Мы ѣхали на горное урочище Асы, излюбленное киргизами богатое пастбище. Путь лежалъ черезъ перевалъ Бозъ-Унгень. Много разъ приходилось намъ мѣнять лошадей, спускаться изъ долины въ долину, ѣхать по отвѣснымъ горамъ съ непротоптанною тропою, скользить внизъ по влажной травѣ, переѣзжать потоки. Въ одномъ изъ нихъ киргизы съ молчаливой торжественностью купали своихъ громадныхъ овецъ.

Наконецъ послѣ послѣдней стоянки у киргизовъ съ очень подозрительными носами и съ очень непріятными охрипшими головами (иногда киргизы хрипятъ послѣ слишкомъ крѣпкаго кумыса), мы очутились на перевалѣ. Хотя онъ и считается однимъ изъ легкихъ, но послѣ сильнаго дождя подъемъ по узкой тропинкѣ, то и дѣло граничащей съ бездною, былъ минутами жутокъ.

Одно время вершину окуталъ туманъ. Нашъ караванъ въ семь лошадей растянулся, и на вьющейся тропинкѣ по очереди вырисовывались въ густомъ туманѣ силуэты проводника, лошадей съ вьюкомъ, джигита. Появятся и снова исчезнутъ, потонувъ въ облакѣ.

Но вотъ блеснулъ лучъ солнца. Туманъ сталъ безпокойно спускаться въ темныя ущелья, и скоро горизонтъ очистился. Мы на вершинѣ въ девять тысячъ футовъ, впервые занимая доминирующее положеніе. Снѣгъ темными, грязными пятнами закрывалъ неровныя мѣста. На самомъ высокомъ мѣстѣ могила: надъ прахомъ какого-то киргиза навалена кучка камней. Мы выше полосы лѣса. Отъ послѣднихъ деревьевъ отдѣляютъ насъ альпійскіе луга съ небольшою травкой и бархатистыми эдельвейсами.

Какой просторъ кругомъ! Подъ нами спускаются все ниже и ниже цѣпи горъ, среди которыхъ мы еще недавно ѣхали. За нами открывается Прилійская долина, съ темнѣющими на ней селеніями и линіями арыковъ. Далеко-далеко она уходитъ, и чуть за-

Иссыкское ущелье

мѣтно вырисовываются въ одномъ сѣверо-восточномъ углу горы Джунгарскаго Алатау. По обѣ стороны отъ насъ сіяють ледники, а новѣй спускъ ведетъ въ длинную безлѣсную долину, которая, по имени протекающей черезъ нее рѣчки, называется Асы.

Сильныя душевныя переживанія лучше выражаются поэзіей, чѣмъ прозой, и у киргизовъ немало сложилось пѣсенъ, гдѣ они воспѣваютъ красоту родной имъ природы. Духу этихъ народныхъ пѣсенъ соответствуетъ навѣянное впечатлѣніями горнаго перевала стихотвореніе:

НА ВЕРШИНѢ.

Въ своихъ сновидѣніяхъ
Мечталъ я порою,
Хотя бъ на мгновенье
Уйти въ край другой.

Здѣсь счастье тлетворно
Здѣсь зависть и слезы,
А тамъ такъ просторно...
Тамъ сладкія грезы...

И вотъ на мгновенье
Я вдругъ окрылился
И не въ сновидѣніяхъ
Съ землей разлучился.

Взобрался я въ горы,
Гдѣ облако спало
И, съ вѣтромъ повздоривъ,—
Въ ущелье упало.

Я гордостью полонъ
Стою на вершинѣ,
И вѣтеръ лишь вольный
Соперникъ мнѣ нынѣ.

И морю простора
И вѣчнымъ снѣгамъ,
Отдалъ свои взоры—
Отдался я самъ.

Итакъ, нашъ путь лежалъ на Асы. Огромная, однообразная горная долина Асы приводитъ киргизовъ въ восхищеніе. Они любятъ ея больше, чѣмъ темно-зеленымъ озеромъ Иссыкъ, чѣмъ горными водопадами и необозримыми горизонтами, открывающимися съ вершинъ. Эстетическіе вкусы различны. Киргизу нравится горное пастбище, крестьянину—тучная пашня, охотнику—лѣсъ и болото. Я помню, какъ на пароходѣ изъ Одессы крестьянинъ-паломникъ отзывался о Палестинѣ. «Гдѣ ужъ тамъ быть красотѣ, когда хлѣба-тъ нигдѣ не видно». Въ эстетикѣ простого человѣка сильно

сказывается бессознательное влеченіе къ полезному, здоровому, нужному. И въ этомъ нельзя не усмотрѣть самый смыслъ эстетическаго чувства, ставящаго человѣка въ лучшую для него обстановку. У насъ, интеллигентовъ, эта здоровая эстетика усложнилась и извратилась. Мы можемъ восхищаться и горами, и равнинами, и лѣсами, и зарослью камыша, и «красной» и «блѣдной дѣвицей».

«Красивые» Асы привлекаютъ къ себѣ киргизовъ четырехъ волостей. Надо замѣтить, что на джайляу и кстау (зимовья пастбища) киргизы тоже рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ. Больше изъ традиціи, чѣмъ изъ дѣйствительной необходимости, они продолжаютъ кочевать и здѣсь, но, конечно, сравнительно на небольшія разстоянія.

По дорогѣ къ Нарыну.

Мы остановились у почтеннаго бія (народнаго судьи). Хозяинъ нашъ не обладалъ большимъ умомъ, но зато былъ очень добродушенъ. Онъ, несомнѣнно, богатъ. Судьей онъ тридцать лѣтъ и за службу свою награжденъ медалью. Въ юртѣ бія было на что посмотреть: здѣсь красивыя сѣдла и упряжь, убранныя металлическими украшеніями и камнями, всевозможныя женскіе платки, мѣховыя шляпы для дѣвушекъ, вышитыя коржуны (мѣшки для вьюка), хорошіе ковры, красивая плетеная коробка для чашекъ (кисе), которыя плотно укладываются въ нее одна въ другую. Коробка перетянута обручами; крышка ея костяная—узорчатая. На видномъ мѣстѣ стоитъ большая швейная машина. Это была первая за мое путе-

шествіе такъ богато обставленная юрта. Такъ какъ на Асы прїѣзжаютъ почти исключительно богачи, то я насмотрѣлся здѣсь вдоволь на такія юрты. Особенно хороши онѣ у киргизовъ Кызылбургской волости. Эти киргизы живутъ въ окрестностяхъ Асы постоянно и потому перевозятъ съ собою зимнія юрты. Въ глиняныхъ землянкахъ киргизы зимуютъ лишь при сильныхъ холодахъ, обычно предпочитая юрты. Я видѣлъ въ юртахъ кызылбуржцевъ стеклянные шкапы и деревянныя кровати съ красиво украшенными фигурными ножками, а на стѣнахъ—ружья и шашки старинныхъ образцовъ, напоминающихъ времена запорожцевъ. Изъ Кызылбургской волости выходитъ много барантачей (занимающихся грабежомъ), конокрадовъ и охотниковъ.

Обѣзжая аулы различныхъ волостей, я замѣтилъ возлѣ нѣкоторыхъ юртъ подмости. На нихъ сушился овечій сыръ (куртъ). Это только намекъ на будущее развитіе молочнаго хозяйства.

У одной изъ юртъ было большое оживленіе: готовились къ поминкамъ. Годъ тому назадъ умеръ здѣсь богатый бай. Похороны у киргизовъ совершаются такъ: тѣло заворачиваютъ въ особаго рода саванъ, называемый ахретъ. Послѣдній состоитъ изъ нѣсколькихъ простынь—трехъ для мужчины и пяти или семи для женщины. Простыни сшиты изъ тонкой бѣлой ташкентской ткани, холста или марли. Ахретъ затягиваютъ надъ головой, въ талии и ступняхъ покойника; руки покойника всегда вытянуты вдоль тѣла. Для могилы киргизы обыкновенно выбираютъ возвышенную холмистую мѣстность по близости старыхъ могилъ, на краю какого-нибудь кургана или даже на самомъ курганѣ. Трупъ привязываютъ къ оглоблямъ съ подмосткомъ изъ досокъ въ родѣ саней, впрягаютъ лошадь и волокутъ къ приготовленной могилѣ. Родные и знакомые, мужчины и женщины сопровождаютъ процессію верхами. Когда тѣло зарыто и надъ могилою насыпаны каменья, всѣ возвращаются домой и, приближаясь къ аулу, разомъ съ крикомъ пускаютъ лошадей во весь опоръ. Мчатся съ такою быстротою, что многіе падаютъ съ лошадей и разбиваютъ себѣ головы. Затѣмъ съ плачемъ слѣзаютъ съ лошадей, здороваются другъ съ другомъ и при общей тишинѣ мулла читаетъ коранъ.

Послѣ поминокъ присутствовавшимъ раздаются въ видѣ подарковъ различные предметы домашняго обихода, принадлежавшіе покойному. Первые три дня въ юртѣ покойника нельзя варить пищу, если не перенесутъ юрту на новое мѣсто.

Цѣлый годъ послѣ этого три раза въ день жены или сестры, смотря по тому, холостой или женатый былъ покойникъ, должны пѣть импровизованныя пѣсни, и вотъ черезъ годъ совершаются поминки (асъ) ¹⁾. Кучками по три человѣка располагаются на корточкахъ

¹⁾ Поминки устраиваются состоятельными людьми на седьмой, двадцатый и сороковый день, но обязательно онѣ только разъ.

киргизы и молча, священнодѣйствуя, ѣдятъ мясо барановъ, коровъ и козлятъ. Это послѣдняя дань покойнику. Поминки бываютъ очень грандіозны. Вотъ описаніе такихъ поминокъ. «Собралось на поминальный пиръ до двѣнадцати тысячъ человѣкъ... Пришли поѣсть и повеселиться, а главное—принять участіе въ скачкахъ. Сынъ достойно почтилъ память отца. Онъ самъ только лишь на одну ѣду истратилъ изъ отцовской кубышки четыреста рублей денегъ да зарѣзалъ двухъ кобылъ и для плова привезъ четыре батмана риса... Вліятельные близкіе родственники выставили сто юртъ и отъ каждой юрты по барану, а родовичи разставили двѣсти кибитокъ. Четыре дня поминали покойнаго, проводя время то на его могилѣ въ молитвѣ, то за ѣдой. Въ промежуткахъ выѣзжали на соколиную охоту и устраивали пробныя скачки»¹⁾).

Послѣ поминокъ жены покойнаго свободны, переходятъ къ братьямъ или выходятъ за другихъ. Пѣніе прекращается, и юрта становится веселѣе.

Въ то время, какъ въ одной волости происходили печальныя поминки, въ другой праздновалась свадьба (той). Днемъ джигиты устраиваютъ различныя игры, на скаку поднимаютъ козленка, стаскиваютъ другъ друга съ сѣдла, перетягиваются, стоя на четверенькахъ, и вообще показываютъ свою ловкость. Забавная игра перетягиванья состоитъ въ томъ, что канатъ, связывающій тряпки, которыми обмотаны шеи перетягивающихся, стоящихъ на четверенькахъ спиною другъ къ другу, проходитъ между ногъ ихъ и перетянутый, благодаря этому, куврыкается. Съ полудня начинается пѣніе. Разряженныя дѣвушки сидятъ въ юртѣ, закутавшись въ платки поверхъ мѣховыхъ шапокъ, а парни на корточкахъ возлѣ юрты запѣваютъ и отвѣчаютъ на пѣсни дѣвушекъ своими пѣснями. Идетъ все время свободное, приуроченное къ обстоятельствамъ сложеніе пѣсенъ, которыя слушаютъ гости. Время отъ времени подается чай съ баурсаками, изюмомъ и сахаромъ, а потомъ мясо и кости барана, котораго съѣдаютъ такъ, что почти ничего, кромѣ шерсти, не остается. ѣдятъ даже очищенныя и поджаренныя кишки.

Мы попали на «той» вечеромъ, когда уже свѣтилъ во всю молодой мѣсяцъ. Заросшая елками гора казалась черною стѣною. Потокъ, освѣщенный луною, казался серебрянымъ. Воздухъ былъ свѣжій и ароматный. Мы пробирались верхомъ въ глубь щели, не зная дороги, прислушиваясь, гдѣ пѣніе.

Пролетѣлъ метеоръ, оставивъ блестящій хвостъ; скрылась за горою луна; щель стала уже, темнѣе; шумъ потока усилился. Пробѣжали какой-то аулъ. Залаяли собаки, заворочались безпокойно

¹⁾ См. І. А. Кастанье «Надгробныя сооруженія киргизскихъ степей», стр. 93, см. также 77—92. Оренбургъ, 1911 года. Параллельный текстъ на французскомъ Castagné «Les monuments funéraires».

овцы и снова никого. Наконецъ послышались неясные звуки людскихъ голосовъ, и скоро рокоть ручья смѣшался со звуками свадебныхъ пѣсенъ: пѣли разомъ въ двухъ юртахъ.

Послѣ моего пріѣзда, какъ мнѣ передалъ переводчикъ, дѣвки и парни пѣли приблизительно такъ:

Пріѣхалъ бай къ намъ на джайляу,
 Онъ, вѣрно, счастье намъ привезъ,
 Иначе Богъ зачѣмъ занесъ
 Его такъ высоко надъ кстау ¹⁾.
 — Молчите, дѣвки молодья,
 Не можетъ счастья онъ вамъ дать:
 Бай бѣлой кости; вы дурныя,
 Ему, навѣрно, не подь стать.
 — Ну, вы, джигиты, не дразните
 И мы, вѣдь, тоже не для васъ,
 Вы лучше женъ себѣ ищите
 Въ другомъ аулѣ—не средь насъ.
 — А кто еще не такъ давно
 Съ удалымъ Дюссембе бѣжалъ?
 Но развѣ хуже другъ его,
 Чтобъ онъ сестры ея не взять.

Отвѣтъ парней замѣтно оживляетъ присутствующихъ, такъ какъ содержитъ намекъ на личныя отношенія двухъ изъ поющихъ. Дѣвушки продолжаютъ кокетничать, но постепенно переходятъ на другую тему. И чего только они не перебираютъ въ своей безконечной пѣснѣ, въ которой рима замѣняется или восполняется речитативомъ.

Народу набилось въ юрты полнымъ-полно, и, кромѣ того, любопытные тѣснымъ кольцомъ стояли вокругъ юртъ подъ открытымъ небомъ. Женихъ не смѣетъ смотрѣть на невѣсту, онъ получить ее только въ полночь, а на другой день, когда соберется увозить ее въ свой родной аулъ, онъ долженъ будетъ откупаться и отбиваться отъ бабъ. Зато до полночи онъ можетъ вольничать и съ бабами и съ дѣвушками. Впрочемъ, теперь заводятся строгости. На описываемой свадьбѣ какой-то молодой киргизъ грозно помахивалъ нагайкой и время отъ времени пускалъ ее въ ходъ для наведенія порядка.

III.

Приключенія на обратномъ пути съ горъ въ долину.

Ярмарка въ горахъ.—Трудности доставки лошадей.—«Документы» султана.—Ложный барантачъ.—Киргизы земледѣльцы (егинчи).

10-го іюля мы собрались обратно въ Пріилійскую долину, но такъ, чтобъ выѣхать въ нее верстъ на шестьдесятъ восточнѣе того селенія, изъ котораго уѣхали. По дорогѣ мы посѣтили кочевую

¹⁾ Въ Семирѣчѣ джайляу—лѣтовки обычно въ горахъ, гдѣ скоть спасается отъ мухъ и оводовъ; кстау—зимовки въ равнинѣ, гдѣ менѣе чувствительны холода.

Нищій киргизъ.

ярмарку. Ярмарка была небольшая, въ одну улицу. По обѣ стороны стояли бокъ-о-бокъ по двадцать—двадцать пять юртъ, обращенныхъ въ лавки. Тутъ все, что нужно для киргизскаго обихода. Посреди красуется двухцвѣтный флагъ. Въ одной изъ юртъ играетъ гармоника. Въ другой таранчинецъ устроилъ «ашъ-хане» и угощаетъ пельменями по копейкѣ штука.

Послѣ ярмарки стоянки были непріятны. Киргизы, съ которыми пришлось имѣть дѣло, не любятъ начальства и своеволятъ. Еще по дорогѣ я потребовалъ отъ двухъ ѣхавшихъ навстрѣчу старшинъ, чтобъ одинъ изъ нихъ проводилъ меня на ихъ джайляу, нашелъ знающихъ людей и помогъ устроиться съ лошадьми. Оба старшины, мальчишки, выбранные за грамотность, ѣхали медленно, останавливались пить кумысъ, посидѣть на корточкахъ, поплевать, но ѣхать со мной отказались, такъ какъ у нихъ, молъ, неотложное дѣло. Пришлось устраниваться самимъ. Остановился въ юртахъ, поставленныхъ для уѣзднаго начальника на время выборовъ. Послалъ джигита въ ближайшій аулъ за людьми. Приѣзжаетъ блѣдный и говорить, что сидитъ человекъ сто «партіи» (выборы еще не прошли, и оживленные собранія продолжались), а ѣхать никто не хочетъ и лошадей не даютъ. Посылаю тогда къ бію восьмого аула, Сарсыку, бывшему волостному, — тоже не ѣдетъ, говорить: нѣтъ «буйрука» (бумаги), а писать было некогда, да и чернила всѣ вышли. Пришлось приказать, чтобъ джигитъ словилъ первыхъ свободныхъ лошадей. (Надо непременно коней, на кобылахъ, по мнѣнію киргизовъ, ѣздить неприлично).

Остановился въ другомъ аулѣ. Ёхаль нарочно медленно и важно. Жилеть украсилъ цѣпочками и всѣмъ, что было блестящаго: свисткомъ и карандашомъ въ оправѣ. Подѣхавъ къ юртѣ аульнаго, возлѣ которой сидѣло много народа, я остановился у самаго ея порога, подождать, пока меня сняли съ лошади, распоряжался самымъ строгимъ тономъ, но не слѣша, наотрѣзъ отказался отъ всякаго угощенія и сразу началъ опросъ старшинъ, записывая показанія въ большую книгу.

Важность моя воздѣйствовала. Киргизы рѣшили, что имѣютъ дѣло съ «настоящимъ начальникомъ». Хозяева стали объяснять, что они «другой партіи», не такіе люди, какъ тѣ, про которыхъ рассказываетъ джигитъ, и т. д. На другой день лошади были доставлены, но, какъ всегда бываетъ, не изъ того аула, гдѣ мы ночевали и, конечно, съ дракой. Пришелъ жалобщикъ, кричить, чтобъ ему показали начальника, что у него есть бумага. Пока я вышелъ, джигитъ побилъ бѣднаго жалобщика, обладателя бумаги, и мнѣ пришлось первымъ дѣломъ усмирять своего разошедшагося Менгли-бая. Бумага жалобщика оказалась старой ненужной повѣсткой, которую онъ хранилъ, какъ большую цѣнность. Чтобъ утѣшить его и скорѣе тронуться въ путь, я взялъ этого киргиза лавшой (проводникомъ),

и черезъ нѣкоторое время онъ уже дружелюбно разговаривалъ съ побившимъ его джигитомъ. Разстались мы съ нимъ вполнѣ друзьями, такъ какъ онъ не ожидалъ получить на чай.

Киргизы очень цѣнятъ бумаги съ печатями, официальными штемпелями и печатными буквами. Мнѣ за сорокъ верстъ везъ какой-то киргизъ бумажонку, которую досталъ, разстегнувъ три зипуна и развязавъ кожаный мѣшочекъ. А бумага оказалась «справкой» о томъ, что на неизвѣстномъ обладателю бумаги прошеніи, отмѣченномъ «входящимъ» № 541, сдѣлана помѣтка 18-го іюня уѣзднымъ начальникомъ. Чтобъ не разочаровывать обладателя бумаги и того, кто отыскалъ этого киргиза съ бумагой, пришлось «записать» содержаніе «бумаги» въ книжку.

Еще комичнѣе было, когда намъ показали бумаги султана Садыхана Аблейханова. Его отецъ былъ полковникъ, потомственный дворянинъ и кавалеръ ордена Станислава 2-й степени. Всѣ эти отличія были ему даны за то, что онъ привелъ въ русское подданство свою маленькую орду. Толстопузый сынъ султана, похожій на крысу по внѣшнему виду, принялъ насъ очень важно и, распорядившись, чтобъ угостили кумысомъ, самъ вышелъ изъ юрты. Между тѣмъ сопровождавшіе насъ киргизы успѣли рассказать, что молодой баринъ — чиновникъ изъ Петербурга, а, слѣдовательно, отъ «падши» (государя). Мы вышли уже изъ юрты и усѣлись на лошадей, когда султанъ сталъ насъ просить снова къ нему зайти и въ качествѣ приманки обѣщалъ показать «бумаги». Я поддался на это искушеніе и не пожалѣлъ. Здѣсь былъ актъ о распредѣленіи земли и воды между аулами, были грамоты, сопровождавшія награды, былъ высочайшій приказъ о принятіи въ подданство султана и его орды и обѣщаніе «на всяческія времена» освободить киргизовъ отъ воинской повинности, но интереснѣе всего было длинное дѣло объ исключеніи нашего хозяина, сына султана, изъ общества. Здѣсь шелъ сначала общественный приговоръ, гдѣ перечислялись всѣ грязныя дѣла султанова сына, повѣствовалось объ его покровительствѣ ворами и вымогательствѣ, объ его лихоимствѣ и злоупотребленіяхъ по должности, затѣмъ слѣдовала объяснительная записка пристава, ходатайствовавшего о неутвержденіи Аблейханова въ должности волостного, такъ какъ онъ подкупилъ выборщиковъ за тысячу рублей и такъ какъ во время выборовъ происходила драка. Потомъ жалоба Аблейханова, написанная очень смѣло, видно, опытною рукою кляузника-писаря или какого-нибудь подпольнаго адвоката. Кончилось дѣло тѣмъ, что жалоба Аблейханова была уважена, что его утвердили волостнымъ, надѣлили землей въ двухъ волостяхъ и не утвердили приговоръ общества объ исключеніи Аблейханова. Теперь онъ народный бій, богачъ; сидитъ въ бархатныхъ шароварахъ, пьетъ пьяный, бьющій въ голову, здоровый кумысъ и бахвалится своимъ дворянствомъ, а приставъ, который попробовалъ съ нимъ бороться, долженъ былъ куда-то уйти.

Врядъ ли удачны способы завлеченія киргизовъ, которые примѣняли степной генераль-губернаторъ Колпаковскій. Распоряжаясь кульджинскимъ золотомъ, слишкомъ онъ¹⁾ щедро раздавалъ подарки и награды всякимъ султанамъ и волостнымъ и тѣмъ открывалъ этимъ послѣднимъ возможность смѣлѣе эксплуатировать «черную кость»—невѣжественную массу склонныхъ къ раболѣпію азіатовъ.

Съ Асовъ въ Приилійскую долину мы попали черезъ переваль Кыржоль. Здѣсь мы въ послѣдній разъ взобрались на вершину. Снова взоръ нашъ прикованъ былъ къ бѣлоснѣжнымъ вершинамъ горъ и къ необъятному простору.

Но темные доли
Внизу различаемъ,
Селеньямъ и полю
Привѣтъ посылаемъ:
    Да, въ эти вершины
    Пришли мы отъ васъ,
    Обратно въ низины
    Вернемся сейчасъ.
Но прежде, чѣмъ къ вамъ
Внизъ опять возвратиться,
Должны мы горамъ
За ихъ мощь поклониться.

По красивому крутому спуску, почти все время лѣсомъ, съѣхали мы внизъ, обратно въ долину Или, гдѣ не были девять дней. При переездѣ черезъ Кыржоль съ нами случилось маленькое происшествіе. Мы много слышали про здѣшнихъ барантачей, которые не стѣсняясь грабятъ проѣзжающихъ. Вблизи тянется склонъ мало населеннаго Джеланаша²⁾, гдѣ обираютъ проѣзжихъ догола. И вотъ по дорогѣ видимъ мы сложенную надъ ямой крышу изъ бревень и въ ней молодого киргиза съ ружьемъ-самопаломъ на козлахъ. Джигитъ подъѣзжаетъ къ нему, отбираетъ у него пистоны, порохъ, пули и увѣряетъ меня, что испуганный киргизенокъ—барантачъ, стерегущій проѣзжихъ. Только проѣхавъ версты двѣ, я догадался, что это за барантачъ, когда на горѣ пробѣжали и скрылись двое сурковъ. Бѣдняга былъ просто охотникомъ и сторожилъ сурковъ, а не проѣзжихъ. Джигитъ мой нисколько не спорилъ, что, можетъ быть, и такъ, но, вѣдь, порохъ и пули нужны и ему, джигиту (ружье мы уже успѣли приобрести),—такъ мнѣ пришлось по наивности и незнанію языка попасть впросакъ и обратиться самому въ покровителя барантача.

Еще одно забавное происшествіе было при самомъ спускѣ въ долину. Населеніе расположившагося въ ущельѣ аула, завидѣвъ караванъ,

¹⁾ Часть денежнаго вознагражденія, полученнаго отъ Китая при возвращеніи Кульджи, была назначена на благоустройство края и находилась въ распоряженіи генераль-губернатора.

²⁾ Названіе мѣстности. Джеланашъ значитъ голый.

рѣшило на всякій случай, что лучше упрятать лошадей, и, когда мы подъѣхали, всѣ табуны исчезли. Благодаря ласковому тону, угощенію чаемъ и шуткамъ, сами хозяева помогали найти лошадей, но, какъ всегда, не своихъ, а чужихъ. Попалось двое: простоватый бій и какой-то бѣдный, обтрепанный киргизъ, принесшій повѣстку съ вызовомъ въ судъ къ понедѣльнику; а дѣло шло въ субботу. Отдать лошадь было невозможно и, чтобъ вознаградить какъ-нибудь бѣднягу, я взялъ его лавшой (проводникомъ). Но бій заупрямился, пожелалъ самъ ѣхать, и нашъ бѣднякъ остался пѣшимъ. Полагая, что онъ останется, я предложилъ ему плату за лошадь, но... тутъ началась исторія... скорѣе съ отчаянія, чѣмъ отъ глупости, онъ пожелалъ нести службу пѣш-

«Муллашка», надгробное сооруженіе въ Чиликской волости.

комъ: мы ѣхали шагомъ—онъ шелъ; мы переходили въ галопъ—онъ прыгалъ и догонялъ насъ; мы пускали лошадей рысью, и онъ не отставалъ. Какъ ни уговаривали его, онъ не сдавался, и вотъ, когда уже спустились съ горъ и осталась ровная, нетрудная дорога, я приказала отдать ему лошадь, перегрузивъ вьюкъ на остальныхъ. Но нашъ пѣхотинецъ и тутъ не пожелалъ отправиться обратно: ему захотѣлось докончить службу. Пришлось прикрикнуть на него и лишь тогда онъ отправился домой и попрощался словами: «рахметъ, спасибо».

Отчего происходятъ такія непріятныя исторіи? Въ то время какъ на земскихъ и почтовыхъ трактахъ всѣ платятъ, киргизамъ не

платить никто. Если имъ даютъ, то это считается «чаемъ». Полиція получаетъ такое ничтожное содержаніе на разъѣзды, что поневолю́ считаетъ себя въ правѣ требовать лошадей безвозмездно. То же продѣлываютъ джигиты, «имя же имъ легионъ», и всевозможные чиновники, хотя послѣдніе уже могли бы платить. Но заплатить правильно и по адресу—очень трудно. Привыкнувъ къ бесплатной поставкѣ лошадей, киргизскіе старшины никогда не даютъ лошадей своихъ, и плата не попадаетъ въ карманъ хозяину. Порядокъ въ этомъ дѣлѣ могъ бы установиться только при условіи обозначенія опредѣленныхъ пунктовъ стоянокъ. Это значительно облегчило бы упростило чиновникамъ всегда трудное добываніе лошадей. Но надо сказать, что среднему киргизу ничего въ сущности не стоитъ предоставить свою лошадь для небольшого переѣзда. Эта повинность тяжела только для бѣдныхъ егинчей, живущихъ почти исключительно своимъ маленькимъ посѣвомъ.

У такихъ егинчей пришлось мнѣ ночевать послѣ спуска съ горы въ долину Асы-Сага. Здѣсь нѣсколько десятковъ киргизовъ двухъ волостей имѣютъ постоянное мѣстожителство, занимаются земледѣліемъ, какъ главнымъ промысломъ, и не выходятъ на джайлау, а посылаютъ туда скотъ съ родственниками. Зимніе домики этихъ киргизовъ построены по типу бѣднѣйшихъ тараичинскихъ домовъ—низенькіе, съ плоскими крышами, съ малюсенькими окнами подъ потолкомъ, съ навѣсами для скота, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ домомъ, и съ вязанками чіа на плоской крышѣ. Подлѣ нѣкоторыхъ домовъ садики съ нѣсколькими фруктовыми деревьями. Обыкновенно возлѣ самага зимняго помѣщенія находится и лѣтнее—юрта. Такъ какъ она стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ между деревьями, то вонь и грязь въ этой юртѣ прямо невыносимы. У нашего хозяина стояло пять такихъ юртъ, окруженныхъ ивами—предметомъ гордости ихъ владѣльца, лично насадившаго эти легко принимающіяся возлѣ воды деревья.

Хозяинъ, въ истертыхъ чамбарахъ (кожаняя брюки), въ изорванной рубахѣ, съ чернымъ отъ жары лицомъ, казался самымъ послѣднимъ бѣднякомъ. Я предупредилъ джигита, что скоро лягу спать и что ѣсть ничего не буду. Однако мое желаніе не исполнилось и гостепрѣимствомъ хозяина пришлось воспользоваться. Прежде всего не оказалось собственнаго чая—его вмѣстѣ съ чайницей припрятали чрезвычайно гостепрѣимныя «бейбише» въ послѣднемъ аулѣ. Онъ усердно насъ угощали чаемъ и все кивали головами и прищуривали глаза въ знакъ благоволенія, а въ то же время незамѣтно стащили чайницу, навѣрное, не столько ради чая, сколько изъ-за красивой жестяной коробочки.

Когда мы напились чаю, то хозяинъ попросилъ не ложиться, такъ какъ скоро будетъ готовъ козленокъ. Это было полною неожиданностью, но ничего уже нельзя было подѣлать. Хозяинъ счи-

Пески Прибалхашья.

талъ своею священною обязанностью поставить гостю угощеніе: «я рѣжу барана для двухъ киргизовъ, такъ какъ же не зарѣзать для такихъ рѣдкихъ гостей».

Гостепрѣимство восточныхъ народовъ, освященное религіей и укрѣпившееся въ правосознаніи, какъ обязанность, возникло подъ условіями кочевой жизни и раскинутости поселковъ. Разумѣется, теперь оно уже утратило въ значительной степени свой смыслъ, но держится по инертной силѣ религіознаго права. Надо, однако, замѣтить, что безъ этого гостепрѣимства намъ и теперь было бы нелегко существовать. При натуральномъ хозяйствѣ киргизовъ, у которыхъ нѣтъ никакихъ запасовъ для продажи, безъ гостепрѣимства ихъ пришлось бы голодать.

Мы были уже въ степи. Горы тонули въ вечерней мглѣ. Равнина серебрилась луннымъ свѣтомъ. Мы устроили себѣ постель на травѣ, окружили постели толстымъ, кусающимъ руки канатомъ, чтобъ предохранить себя отъ змѣй, и прежде, чѣмъ былъ готовъ козленокъ, улеглись и любовались звѣзднымъ небомъ, вдыхая въ себя освѣжающій воздухъ, гонимый съ горъ «джилемъ» (зефиромъ). На горизонтѣ выросла вдругъ какая-то высокая фигура. Присматриваемся. Не дерево ли? Но нѣтъ—приближается и черезъ нѣкоторое время превращается въ очертанія коня и всадника. Черный всадникъ проѣзжаетъ. Лошадь фыркаетъ уже сзади. Опять тихо, тихо. Заблеялъ баранъ, заворчала собака, все какъ-то расплылось... «Баринъ, мясо готово»—насъ уже будятъ: мы незамѣтно уснули.

На другой день опять поиски лошадей. Расплата: хозяинъ получаетъ деньги, въ качествѣ подарка дѣтямъ, и мы ѣдемъ въ Чиликъ (большое селеніе Зайцевское). Духота, іюльскій зной, мухи, все это послѣ горъ кажется адомъ. Уже утромъ, проснувшись, мы были разочарованы. Полынная степь, гдѣ мы устроили свои постели, оказалась выжженной, и мы спали не на травѣ, а на пеплѣ и мусорѣ. Почти то же, что случилось въ ночь подъ Ивана Купала съ гоголевскимъ дѣдомъ, червонцы котораго превратились въ соръ. По дорогѣ я не могъ выдержать мученій жажды и напился грязной, но прохладной воды изъ арыка.

Когда мы пріѣхали, наконецъ, въ селеніе (Чиликъ состоитъ изъ двухъ частей: таранчинской и русской), было чрезвычайно пріятно видѣть ровныя улицы, красивые тополя и карагачи, аккуратные глиняные домики, потомъ базаръ, гдѣ мы сейчасъ же купили яблокъ и дынь, потомъ уже беспорядочность русскихъ улицъ, церковь, школу и, наконецъ, земскій домъ. Всѣ прелести горъ и вся тяжесть жары, пыли, жажды—были моментально забыты. Даже сердитая хозяйка показалась ангеломъ—мы были въ своей родной обстановкѣ.

IV.

Переѣздъ черезъ пески.

Кульджинскій трактъ отъ Чилика до Чарына.—Правовой бытъ киргизовъ и правила вѣжливости.—Странный путникъ.—Охота.—Муллашки.—Киргизская сказка.—Переправа черезъ Или.

Вскорѣ послѣ поѣздки на Асы мы переѣзжали рѣку Чиликъ, направляясь по Кульджинскому тракту въ Джаркентскій уѣздъ. Разлившаяся отъ таянiя льдовъ рѣка разбилась на нѣсколько рукавовъ. Бродъ доходилъ до полутора аршина глубины, и вода заливала повозку. Переѣхавъ рѣку, мы стали углубляться въ безлюдную и пустынную мѣстность. Бѣдная и безъ того растительность окрестностей была выжжена. Съ каждою верстою мы все болѣе чувствовали себя въ пустынѣ. Заилійскій Алатау уходилъ отъ насъ, виднѣлась лишь макушка Талгара, а впереди разстилалась однообразная равнина, сначала съ жесткимъ чѣмъ, потомъ съ колючими и рѣдкими пучками травы на барханахъ (бугорчатыхъ наростахъ почвы).

Случайно мы миновали первый бекетъ (постоялый дворъ), и пришлось верстѣ пятьдесятъ проѣхать безъ остановки. Жара изнуряла всѣхъ. Раскаленная степь дышала зноемъ. Закроешь глаза, забудешься, задремлешь. Вдругъ очнешься—все то же, какъ будто никуда не уѣхалъ. Надоѣло... ожидаешь съ нетерпѣнiемъ бекета.

Наконецъ показывается глиняная стѣна. Подводчикъ радостно подгоняетъ лошадей. Мы прибыли на отдыхъ. Здѣсь колодезь, больше травы, и кругомъ шныряютъ зайцы. Ружье доставляетъ намъ обѣдъ. Но на бекетѣ скучно, хочется ѣхать все дальше. Солнце уже опускается, на смѣну ему сейчасъ же появляется луна. Ёхать теперь прiятнѣе, но путь кажется безконечнымъ, такъ какъ ночью видъ еще однообразнѣе.

Остановились мы ночевать на слѣдующемъ бекетѣ. Спать можно было либо внутри дома на глиняномъ, приподнятомъ на аршинъ отъ пола возвышенiи, разсчитанномъ на нѣсколько десятковъ человекъ, либо на крышѣ. Я предпочелъ, конечно, второе. На плоской крышѣ было безопаснѣе отъ паразитовъ, и, кромѣ того, свѣжiй джилъ спасалъ меня отъ комаровъ и духоты.

Выѣхали мы до восхода солнца. Въ первый день намъ не попадалось ни одного человекъ, ни одной подводы, а между тѣмъ мы двигались по Кульджинскому тракту, соединяющему Кульджу съ Вѣрнымъ и дорогой на Ташкентъ. По этому тракту двигаются всѣ торговые караваны, ѣдутъ богомольцы въ Мекку и имъ соединяются десятки селенiй. Гдѣ же причина такого отсутствiя людей? Мы ѣхали днемъ. Теперь—ночью—намъ встрѣтилось много повозокъ и на бе-

кетѣ, гдѣ мы ночевали, всю ночь слышались голоса прѣѣзжавшихъ и отѣѣзжавшихъ, ржали лошади и скрипѣли повозки.

Скучно было ѣхать, и я для развлеченія сталъ вспоминать и записывать тѣ особенности киргизскаго обычнаго права, которыя мнѣ удалось выяснитъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей небезынтересны.

Начну съ семейнаго права. Въ бракъ можно вступать дѣвочкамъ девяти лѣтъ, мальчикамъ—двѣнадцати. Браку препятствуетъ низкое общественное положеніе жениха.

Законное число женъ—четыре. Фактически больше двухъ женъ теперь рѣдко кто имѣетъ и вторую жену берутъ чаще всего тогда, когда первая состарится, или въ томъ случаѣ, если первая начнетъ болѣть.

Родовыя узы сказываются, между прочимъ, въ обязательствѣ содержать неимущихъ родственниковъ. Даже отпаденіе отъ мусульманской вѣры не разрушаетъ этого обязательства, такъ какъ ко-ранъ предписываетъ помогать всѣмъ бѣднымъ, безъ различія вѣры.

Въ области права обязательственнаго (договорнаго) интересно отмѣтить прежде всего, что заемъ, то есть возмездное предоставленіе другому въ собственность замѣнимой вещи, съ обязательствомъ вернуть равноцѣнную вещь (или сумму денегъ) и уплатить проценты, не допускается. Конечно, обходъ запрета совершается, и при томъ такъ же, какъ въ средніе вѣка, когда канонисты возстали противъ процента. А именно—либо процентъ заранѣе включается въ сумму долга, либо фиктивно предполагается, что вещь или деньги отдаются внаймы за плату и, въ случаѣ порчи или утраты, замѣняются другими при возвращеніи.

Другая характерная черта, что правомъ не признается договорная неустойка.

Очень любопытной особенностью является затѣмъ отсутствіе пріобрѣтательной (даже незапамятной) давности для недобросовѣстнаго владѣльца. Нѣтъ и погасительной давности для уголовныхъ дѣлъ. Только за прелюбодѣяніе нельзя привлечь къ отвѣтственности спустя мѣсяць. Состояніе опьянѣнія, если бій не чувствуетъ запаха вина, считается не доказаннымъ.

Въ области наслѣдованія сказывается существованіе семейной общности имущества. Если нѣсколько сыновей выдѣлилось, то по смерти отца наслѣдуютъ оставшіеся, хотя бы младшіе, а старшій изъ наслѣдующихъ становится главою семьи и обязанъ за это содержать мать, сестеръ и бѣдныхъ родственниковъ. Такимъ образомъ, младшіе сыновья часто оказываются богаче старшихъ.

Кромѣ обычнаго права, у киргизовъ много правилъ этикета, правилъ вѣжливости, нарушеніе которыхъ считается неприличнымъ. Къ этимъ правиламъ не относится гостепрѣимство, нарушеніе котораго карается по суду штрафомъ—уплатой лошади. Но въ ихъ

числѣ—правило почитанія старшихъ, почитанія мужчинъ женщинами, правила умѣренности въ пищѣ, когда угощаютъ, безразличія къ женщинамъ на людяхъ и другія. Всѣ эти правила признаются и исполняются, быть можетъ, болѣе строго, чѣмъ тѣ, нарушеніе которыхъ карается судомъ.

Въ то время, какъ я припоминалъ и записывалъ всѣ эти обычаи и правила вѣжливости у киргизъ, дорога улучшилась. Сначала мы ѣхали по глубокому зыбучему песку, потомъ дорога какъ будто превратилась въ асфальтовую мостовую—это глиняный покровъ земли послѣ какого-нибудь тропическаго ливня превратился въ растрескавшуюся гладкую и крѣпкую кору. Ниже дороги версты на десять или больше были болота, тамъ поселились дунгане и завели рисовые посѣвы. Мы выбрали болѣе длинную дорогу, избѣгая арыковъ, грязи и комаровъ.

Въ этихъ пустынныхъ частяхъ кульджинскаго тракта обыкновенно не встрѣтишь пѣшаго путника. У киргизовъ, между прочимъ, имѣется такое правило: не ходить пѣшкомъ. И уважающій себя кочевникъ, да и другіе туземцы нерѣдко переѣзжаютъ верхомъ отъ юрты до юрты на самыхъ незначительныхъ разстояніяхъ. И вдругъ мы видимъ путника.

Но это не былъ киргизъ. Синяя рубаха и длинные бѣлокурые волосы выдавали русскаго. Но что за странный путникъ! Въ такую жару онъ идетъ пѣшкомъ черезъ пустыню и притомъ безъ шапки. Скоро мы нагнали его, путникъ оказался дѣйствительно чудакомъ, но такимъ чудакомъ, встрѣча съ которымъ не забывается. Это былъ интеллигентъ, и притомъ изъ хорошаго круга и съ хорошей шлифовкой ума. Мы усѣлись съ нимъ вмѣстѣ въ повозку.

Случайный спутникъ былъ странствующій художникъ, Георгій Эдуардовичъ Б., однофамилецъ извѣстнаго адмирала. Окончилъ онъ мюнхенскую академію и по спеціальности портретистъ. Отрицая современное искусство и изображеніе природы сквозь призмы мимолетныхъ впечатлѣній, онъ хочетъ слиться съ природой, «чтобы она, какъ онъ выразился, сама въ немъ говорила, чтобы быть естественнымъ и сильнымъ реалистомъ». И вотъ онъ въ бѣлыхъ холщевыхъ панталонахъ и ситцевой рубахѣ ходитъ по азіатскомъ горамъ и равнинамъ, направляясь сейчасъ на поклоненіе Ханъ-тегри, высочайшей въ предѣлахъ Семирѣчья вершинѣ въ 24 тысячи футовъ. Онъ терпитъ лишенія, когда не принимаютъ на земскія квартиры, спитъ на улицѣ и, не скучая по оставленному мірѣ, все больше уходитъ въ любимую имъ природу. Онъ уже пропитался образами окружающей жизни и говоритъ картинно, этими же образами замѣняя отвличенную логику. «Вотъ,—говоритъ онъ,—катится камень съ горы; чѣмъ дальше онъ падаетъ, тѣмъ стремительнѣе его движеніе, тѣмъ болѣе онъ захватываетъ съ собою другихъ камней и тѣмъ сильнѣе рушитъ и громитъ все по дорогѣ, пока не найдетъ свой послѣдній покой

въ самой глубинѣ пропасти, — такъ и сильный, энергичный человѣкъ прокладываетъ въ жизни путь для своихъ идей и такъ привлекаетъ и покоряетъ онъ своихъ приверженцевъ». Такимъ человѣкомъ хочеть быть и нашъ художникъ, чтобъ силою своею стихійно увлечь за собою другихъ. Эпическое спокойствіе, эллинское благородство и изящество — его идеалы. Сила неуывдаемой безконечно разнообразной природы ему дороже всего. Но зачѣмъ же онъ безъ шапки? Онъ направляется въ Индію и приучаетъ себя къ горячему солнцу.

Бесѣду нашу прервали выстрѣлы. Джигитъ уже давно оживился. Мы вѣхали въ оазисъ. Появились деревья, цвѣты, птицы. Шныряли зайцы. Въ одномъ мѣстѣ поднялись изъ кустовъ куропатки, въ другомъ стая дикихъ голубей. Когда же появилось стадо изящныхъ дикихъ козъ съ высокимъ пушистымъ козломъ во главѣ, джигитъ не выдержалъ и сталъ палить. Охота была удачной... Въ этихъ мѣстахъ и ниже до Или есть на кого поохотиться: здѣсь водятся дикія кошки, лисицы, въ камышахъ кабаны и изъ птицъ, кромѣ обыкновенной дичи, фазаны.

Мы приближались къ рѣкѣ Чарыну, снова къ населенной мѣстности. Но послѣдній перегонъ и безъ того промелькнулъ совершенно незамѣтно: мой новый спутникъ рассказывалъ мнѣ старую киргизскую сказку, которую онъ самъ недавно узналъ отъ муллы. Вспомнилась ему сказка при видѣ оригинальной «муллушки», мимо которой мы проѣзжали. Муллушки это надгробныя сооруженія у киргизовъ. Раньше это были стильныя глиняныя или каменныя постройки въ формѣ пирамидъ, обелисковъ или монументальныхъ башенъ съ куполами; теперь же онѣ большею частью деревянныя, съ жестяной крышей.

Сказка, которую рассказалъ мнѣ мой странный спутникъ, завидѣвъ вдаль большую полуразвалившуюся муллушку-башню, очень любопытна.

Было это въ то время, когда киргизъ-кайсацкій народъ распался на множество самостоятельныхъ родовъ, нерѣдко враждовавшихъ между собою и вступавшихъ въ жестокую кровопролитную борьбу съ другими племенами. Въ то давнее время, котораго не запомнятъ дѣды и прадѣды, между горами Тарбагагай и Алатау и озерами Балхашъ и Ала-куль кочевали два богатыхъ, знатныхъ и могущественныхъ султана: Кара-бай и Сары-бай. Султановъ связывала самая тѣсная дружба, всюду они были вмѣстѣ и нерѣдко они помогали другъ другу въ бѣдѣ и несчастьяхъ.

Разъ какъ-то выѣхали они на охоту. У одного и у другого султана жены ожидали со дня на день родовъ. Охотились султаны и все гадали о своихъ будущихъ дѣтяхъ. У Сары-бая были мрачныя предчувствія, и, когда вечеромъ утомленные охотники остановились на отдыхъ, Сары-бай сталъ просить друга принести клятвенный

обѣтъ, что они повѣнчаютъ своихъ дѣтей, если у одного родится сынъ, а у другого дочь. Сары-бай охотно отозвался на это предложеніе, и клятва была торжественно принесена. Но Сары-бай все оставался грустнымъ, и, какъ ни пріятно было ему сознаніе, что потомки его и Кара-бая будутъ вѣрные друзья и союзники, онъ не могъ успокоиться.

Султаны ѣхали домой. Былъ вечеръ, и тишина навѣвала на нихъ задумчивость. Вдругъ завидѣли они вдали гонца. Это ѣхалъ джигитъ сообщить имъ о рожденіи сына у Кара-бая и дочери у Сары-бая. Скорѣе вѣтра понеслись домой обрадованные друзья, но было темно, и усталые кони стали спотыкаться. Кара-бай пріудержалъ лошадь и крикнулъ другу, чтобы онъ послѣдовалъ его примѣру. Сары-бай, однако, забывъ о предчувствіяхъ, объ осторожности и легѣлъ впередъ. Вдругъ конь его споткнулся, перевернулся черезъ голову и оба, конь и всадникъ, смѣшались съ пылью. Подоспѣвшіе спутники нашли Сары-бая мертвымъ.

Печаль царилъ въ обоихъ аулахъ. Не радостью, а горемъ сопровождалось рожденіе Сары-баевой дочери. Приглашенные по обычаю предсказатели не предвѣщали ей добраго въ жизни и совѣтовали Кара-баю нарушить клятву и не женить сына на дочери несчастнаго своего друга.

Тяжело было Кара-баю нарушать клятву, но счастье сына было ему дороже, и онъ рѣшилъ откочевать такъ далеко, чтобы всякая память о Сары-баѣ и его дочери была порвана разстояніемъ. Такъ и разошлись два могущественныхъ рода.

Послѣ смерти Сары-бая власть и главенство постепенно перешли къ его пріемышу калмыцкаго происхожденія, Кударь-Кулу. Дочь Сары-бая выросла красавицей, и стали все называть ее Баянъ-слу (красавица Баянъ), и, дѣйствительно, не было краше ея ни одной невѣсты. Кударь не имѣлъ у нея успѣха, но онъ рѣшилъ непременно сдѣлать ее своей женой. Чтобы добиться этого и помѣшать встрѣчѣ Баянъ-слу и сына Кара-бая, про котораго Баянъ знала отъ своего старика-дяди и котораго, какъ своего нареченнаго жениха, она все хотѣла видѣть, Кударь рѣшилъ откочевать такъ далеко, чтобы нельзя было найти къ нимъ никакого слѣда. Такъ и сдѣлали. Баянъ-слу уже почти утратила надежду увидѣть Козу-Керпечъ, какъ называли Кара-баева сына, но она все не соглашалась стать женой Кудара и придумала для него три трудныхъ порученія, какъ будто для испытанія его любви, а въ дѣйствительности, чтобы оттянуть время: Кударь долженъ былъ пересчитать весь многочисленный скотъ ихъ, вырыть въ степи глубокіе колодцы для скота и наполнить водою искусственное озеро. Все сдѣлалъ Кударь, и Баянъ-слу должна была исполнить обѣщаніе.

Между тѣмъ, сынъ Кара-бая Козу-Керпечъ уже искалъ свою невѣсту. Отъ него долго скрывали тайну о существованіи Баянъ-слу и

о клятвѣ отца. Но разъ кто-то изъ родственниковъ проговорился, и Козу-Керпечъ, который отличался необыкновенной силой, заставилъ рассказать ему все.

Немедленно же послѣ этого пустился онъ въ путь. По просьбѣ матери, поймавъ его препятствовала колдунья: она бросалась на него разъяренной верблюдицею, обращалась въ дремучій лѣсъ и въ бурные потоки, но ничто не могло остановить смѣльчака и силача Козу-Керпеча. Онъ нашелъ бывший аулъ Сары-бая и тамъ встрѣтилъ дядю Баянъ-слу, который не любилъ Кудара, ушелъ отъ него и охотно рассказалъ Козу-Керпечу все примѣты и признаки пути къ новой стоянкѣ Сары-баева рода.

Козу-Керпечъ появился передъ Баянъ-слу и Кударомъ, переодевшись въ простой нарядъ и зарывъ свое золотое вооруженіе, украшенное камнями сѣдло и яркія одежды. Онъ нанялся въ табунщики. Баянъ-слу сразу ему понравилась, и онъ искалъ встрѣчъ съ нею. Однажды, когда красавица скучала, онъ предложилъ черезъ ся слугъ спѣть ей пѣсню, въ пѣсняхъ онъ все намекалъ на близкое свиданіе Баянъ-слу съ ея женихомъ. Вскорѣ онъ сталъ приближеннымъ слугою Баянъ-слу, которая заинтересовалась его пѣснями. Однажды онъ открылъ ей свое имя. Они стали постоянно встрѣчаться и придумывать, какъ бы разстроить рѣшенную уже свадьбу съ Кударомъ.

Кударъ, не зная, кто таковъ новый джигитъ, все же чувствовалъ къ нему непріязнь. Разъ онъ обидѣлъ Козу-Керпеча, тотъ въ гнѣвѣ схватилъ Кудара и съ силою бросилъ его о землю. Собравшейся толпѣ онъ открылъ свое имя. Пораженный силою Козу-Керпеча, народъ сталъ на его сторону. Кудару пришлось отказаться отъ свадьбы. Онъ бѣжалъ и рѣшилъ отомстить.

Вскорѣ Кударъ привелъ съ собой калмыковъ, но Козу-Керпечъ, выѣхавъ съ джигитами навстрѣчу врагамъ, поражалъ ихъ, какъ косить коса траву, и обратилъ въ бѣгство. Кударъ выпросилъ пощаду и обѣщалъ мирно жить въ аулѣ, навсегда отказавшись отъ свадьбы съ Баянъ. Его оставили, но онъ сталъ сейчасъ же возмущать часть родни Баянъ-слу противъ Козу-Керпеча, сына клятвопреступника, и скоро большинство, задобренное калмыкомъ, стало на его сторону. Тогда Баянъ-слу, чтобы избѣжать кровопролитія, уговорила Козу-Керпеча на время скрыться въ ей одной извѣстное мѣсто, чтобъ такимъ образомъ не лишиться свиданій съ любимымъ женихомъ, а во время его отсутствія примирить родню. Но безпечный Козу-Керпечъ выдалъ себя, и вѣроломный Кударъ предательски нанесъ ему смертельную рану.

Горькія слезы проливала несчастная красавица, когда, явившись на свиданіе, застала жениха раненымъ, въ тяжеломъ забытьѣ. Съ трудомъ привела она его въ чувство, закрыла рану, дала пѣлебныхъ снадобій и такимъ образомъ вернула на нѣкоторое время жениху оставшіяся у него силы. Три дня и три ночи провела

она съ Козу-Керпечемъ въ нѣжныхъ ласкахъ, но ядъ стрѣлы подѣйствовалъ, и на рукахъ ея Козу-Керпечъ скончался. Баянъ рѣшила поставить ему огромный памятникъ, а Кудара такъ же предательски умертвить, какъ онъ умертвилъ своего счастливаго соперника. Она завернула тѣло жениха въ тонкіе войлоки и дорогіе ковры и, нагрузивъ на верблюда, отправилась съ приближенными и друзьями на выбранное для могилы мѣсто.

Народу и Кудару она объявила, что теперь не станеть противиться свадьбѣ съ Кударомъ, такъ какъ нѣтъ уже больше нареченнаго жениха. Кударъ повѣрилъ и послѣдовалъ за похоронной процессіей. У одного колодца Баянъ-слу стала вдругъ жаловаться на невыносимую жажду. Кударъ, чтобы угодить невѣстѣ, сейчасъ же спустился въ колодезь, схватившись за веревку; онъ хотѣлъ зачерпнуть воды въ шапку, но, какъ только онъ былъ на днѣ, Баянъ перерубила веревку и приказала засыпать колодезь. Такъ отомстила она противному ей калмыку.

У возвышеннаго мѣста, гдѣ Баянъ рѣшила похоронить Козу-Керпеча, она приказала разставить юрты и, какъ только ея юрта была готова, заснула отъ усталости. Ее разбудилъ шумъ проходящаго каравана. Мимо юрты, тяжело нагруженные, важно шли одинъ за другимъ связанные другъ съ другомъ верблюды. Время отъ времени одна цѣпь верблюдовъ смѣнялась другой. Съ погремушкой проѣзжалъ впереди погонщикъ на осликѣ, мулѣ или верблюдѣ-самцѣ съ палочкой въ ноздряхъ вмѣстѣ уздечки, а сзади него шли опять бѣлые и темно-бурые двугорбые верблюды. Баянъ-слу опять заснула, и, когда открыла глаза, караванъ все еще не прошелъ. Въ пестрыхъ одеждахъ ѣхали молодые и старые слуги караванъ-баша, и верблюды одинъ за другимъ все такъ же важно, звякая металлическими погремушками, продолжали итти съ тяжелымъ грузомъ на выносливой спинѣ.

Караванъ-баша, обладатель несмѣтныхъ сокровищъ, завидѣвъ множество юртъ, захотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло, и, подѣхавъ къ центральной юртѣ, увидѣлъ Баянъ и былъ пораженъ ея удивительной красотой. Случилось то, чего Баянъ въ это время никакъ не ожидала: ей опять сдѣлали предложеніе. Отказать открыто могущественному караванъ-башѣ она не рѣшалась: тотъ могъ прибѣгнуть къ силѣ, а покончить съ собой она не хотѣла, такъ какъ рѣшила непременно поставить памятникъ Козу-Керпечу. Тогда она снова прибѣгла къ хитрости.

— Помоги мнѣ, — сказала она караванъ-башѣ: — исполнить мой долгъ по отношенію къ покойнику, и тогда я поѣду съ тобой.

Караванъ-баша созвалъ всѣхъ своихъ слугъ. Баянъ очертила на землѣ кругъ и бросила высоко вверхъ свою дѣвичью шапку. Такъ показала она, какой величины долженъ быть памятникъ. Немедленно закипѣла работа. Въ сосѣднихъ горахъ слуги купца ло-

мали и отдѣлывали камни, перенося ихъ другъ другу, такъ, чтобы никто не уставалъ. Особые рабочіе сейчасъ же складывали изъ камней стѣны памятника. Скоро памятникъ былъ готовъ. Тогда тѣло Козу-Керпеча было опущено въ могилу и устроенъ былъ богатый поминальный обѣдъ и скачки. Баянъ пошла попрощаться съ трупомъ жениха и, опустившись въ яму, поразила себя на смерть кинжаломъ. Такъ кончила свою жизнь несчастная красавица.

И до сихъ поръ на большомъ почтовомъ трактѣ изъ Сергіополя въ Вѣрный, на берегу рѣки Аягузки стоитъ памятникъ Козу-Керпечу, высотой почти въ десять сажень. Уже забывается преданіе о Баянъ-слу и ея женихѣ, а памятникъ все стоитъ и еще долго будутъ передаваться отъ потомства къ потомству имена Баянъ и Козу-Керпеча.

Между тѣмъ, мы незамѣтно проѣхали Чарынъ, переправившись опять въ бродъ, и уже ѣхали по почтовой дорогѣ Пржевальскъ—Джаркентъ. Остановка тутъ же была немислима. Тучи комаровъ напали на насъ съ такой яростью, что, закутавши голову и руки, мы все же не были избавлены отъ частыхъ укусовъ. Почевали на станціи Илійской и утромъ переѣхали черезъ широкую рѣку Или.

Примчивый паромъ переправлялся на другую сторону огромными веслами. На переправу ушло больше часа. Раза три сѣлись на мель, потомъ теченіе отнесло паромъ далеко отъ пристани его и отъ дороги, и пришлось тащить паромъ на канатѣ. Въ общемъ перевозчики справлялись съ дѣломъ прекрасно. Подростки прыгали, какъ лягушки въ воду, и стлкнували паромъ съ мели. Надо замѣтить, что дно рѣки Или очень измѣнчиво, а потому установить на ней судоходство можно только съ очень крупными затратами.

Въ тотъ же день мы были въ Джаркентъ.

V.

На обратномъ пути.

Семирѣчье въ августѣ.—Возвращеніе киргизовъ съ джайлау.—Кара-киргизыи ма-напы.—Чала-казаки.—Киргизы и русскіе крестьяне.

Въ Семирѣчѣ наступила самая тяжелая пора, и путешествіе мое, когда въ августѣ, послѣ двухъ-трехъ недѣль пребыванія въ Джаркентѣ и его окрестностяхъ, пришлось то въ подводѣ, то на почтовыхъ, то верхомъ проѣхать съ лишнимъ тысячу верстъ до самаго Ташкента,—было уже гораздо болѣе тяжело, чѣмъ раньше.

Днемъ донимала жара. Она какъ будто усиливалась, но главное становилась чувствительнѣе, такъ какъ давно прекратились

дожди и воздухъ былъ сухъ и пыленъ. Постоянные вѣтры засыпали проѣзжихъ пескомъ. Иногда вѣтеръ превращался въ маленькій смерчъ. Столбъ пыли начиналъ крутиться и съ бѣшеной яростью набрасывался на повозку, срывалъ шапки и крытый верхъ повозки, бросалъ въ лицо колючки и мчался дальше, пока, утомленный, не разсыпался въ равнинѣ.

Не всегда было хорошо и ночью. Трава уже выжжена, цвѣтовъ нѣтъ, и воздухъ пересталъ быть ароматнымъ; иногда, напротивъ, насыщенный отцвѣтающей полынью, онъ былъ горекъ и противенъ.

Еще позже, въ сентябрѣ, время отъ времени дулъ по ночамъ съ горъ такой ледяной вѣтеръ, что не было отъ него спасенья. Закутаешься въ шубу, въ кошму, но онъ проникаетъ въ рукава или подъ приподнявшійся край толстаго войлока и студитъ усталое тѣло...

Уже въ началѣ августа киргизы откочевываютъ въ равнину. Съ горъ медленно спускаются ихъ караваны. Всадники везутъ мѣхъ съ кумысомъ, всадницы дѣтей, а на верблюдахъ или быкахъ нагружены юрты, сундуки съ утварью и ковры, любимое украшеніе Востока. «Спрятанъ пестрый коверъ надеждъ въ сундукъ ожиданій»—говоритъ киргизская поговорка, отражая вкусы кочевника. Молча движется внизъ караванъ, и царятъ надъ нимъ зной и усталость.

На пашнѣ надо снять урожай и молотить хлѣбъ, гоняя по снопамъ лошадей. Женщины будутъ поджаривать на зиму тару (просо) и толочь въ каменныхъ ступахъ зерно. А потомъ женщины займутъ за пряжу ковровъ да за шитье одежды. А мужчины будутъ сидѣть подлѣ юртъ въ бараньихъ длинныхъ армякахъ, перевязанныхъ шарфомъ, и въ остроконечныхъ шапкахъ, будутъ вести длинные, скучные и безтолковыя бесѣды или просто плевать сквозь зубы и жевать табакъ, а если пріѣдетъ гость, будутъ ѣсть жирное мясо и обтирать руки о свои кожаные просаленные штаны.

Въ Пишпекскомъ уѣздѣ и въ районѣ озера Иссыкъ-куль живутъ кара-киргизы. Это племя и воинственнѣе кайсаковъ, и культурнѣе. У нихъ и украшеній больше, и наряды пестрѣе, а главное, у нихъ гораздо выше стоитъ земледѣліе. Кара-киргизы легко усваиваютъ культуру осѣдлой жизни и готовы къ землеустройству. Еще больше, впрочемъ, готовы къ этому чала-казаки. Такъ называется племя смѣшанной киргизской и сартовской крови. Они живутъ деревнями, въ хорошихъ домахъ, имѣютъ мечети и слѣдятъ за благоустройствомъ селенія. Такое селеніе чала-казаковъ расположено, между прочимъ, подъ Вѣрнымъ. Но вернемся къ кара-киргизамъ. Потомки бывшихъ предводителей отдѣльныхъ кара-киргизскихъ родовъ называются у нихъ манапами ¹⁾ и до сихъ поръ

¹⁾ Это названіе соответствуетъ султанскому или княжескому титулу.

сохраняють большое вліяніе. Эти манапы, напрімѣръ, знаменитый Шабданъ Джантаевъ въ Пишпекскомъ уѣздѣ, живутъ особыми хуторами, выдѣляясь изъ остальной массы. Вся волость находится у нихъ въ зависимости. Манапы хранятъ у себя множество цѣнныхъ и мало-цѣнныхъ документовъ и обладаютъ перѣдко полезнымъ і знаніями и громаднымъ административнымъ опытомъ. Волостной, хотя бы онъ былъ не одного съ манапами рода, все же пріѣзжаетъ къ манапу совѣтоваться и даже больше — испросить указаній. У кара-киргизовъ манапы, а у кайсаковъ «джакшиляры» — лучшіе или аристократы среди киргизовъ — отличаются отъ другихъ не только богатствомъ, но очень часто умомъ и тактомъ. Поэтому зависимость отъ нихъ не временная и не случайная, а продолжается до тѣхъ поръ, пока у противной стороны не найдется выдающійся главарь, который создаетъ новый притягивающій центръ. Въ этихъ случаяхъ киргизская волость обыкновенно дѣлится и получаетъ названіе по имени своего главаря (Слапчановская, Саржановская), хотя бы официальное ея названіе было иное (напрімѣръ, Западно- или Восточно-Талгарская).

Изъ манаповъ въ Семирѣченской области особенно извѣстенъ войсковой старшина милиціи Шабданъ Джантаевъ, проживающій въ долинѣ рѣки Чу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Чу вырывается изъ узкаго величественнаго Боамскаго ущелья. Онъ украшенъ орденами и имѣетъ почетный халатъ. Его знаютъ всѣ официальные лица и вызываютъ на всѣ сѣзды. Разумѣется, простымъ киргизамъ онъ импонируетъ. Небольшого роста, съ сѣдой окладистой бородой, съ большимъ животомъ, онъ настоящій аксакаль (сѣдо-бородый, старшина); а такъ какъ онъ при томъ глава большой семьи и знатнаго рода, да къ тому же имѣетъ силу у начальниковъ, то его не только чтутъ, но и одаряютъ. Послѣднее время духъ независимости вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ массы все болѣе развивается среди киргизовъ, и они перестаютъ подчиняться авторитету манаповъ. Шабданъ, однако, понялъ, чѣмъ можетъ онъ удержать свою силу, и теперь онъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы завладѣть земельными пространствами и сдавать землю въ аренду. Но его стремленія столкнулись съ интересами переселенческаго дѣла. Широкихъ размаховъ замыслы Шабдана уже не получать, и время расцвѣта его силъ осталось позади ¹⁾.

Новая жизнь, новыя вліянія замѣтно отражаются на киргизахъ. Они все болѣе привыкаютъ къ осѣлости, все болѣе привязываются къ земледѣлію и все болѣе измѣняютъ свои привычки. Они учатся продавать продукты своего труда и покупать то, что раньше дѣлали

¹⁾ Въ порядкѣ высочайшаго соизволенія Шабданъ Джантаевъ получилъ въ 1910 году въ пожизненное пользованіе четыреста десятинъ земли въ возданіе заслуги, оказанной имъ при завоеваніи края (участіе въ завоеваніи Кокандскаго ханства и въ борьбѣ съ непокорными кара-киргизами).

сами; обычай гостепрѣимства начинаетъ исчезать, такъ какъ выгоднѣе содержать бекетъ, гдѣ угощеніе сопровождается счетомъ. Неудобныя одежды домашней кройки замѣняются обыкновеннымъ костюмомъ, необходимыя орудія покупными—удобными и дешевыми. Учатся мусульмане-киргизы и русскому пороку—пить; курить они уже давно выучились.

Но, какъ ни замѣтно отражается на киргизахъ постороннее вліяніе, все же превращеніе кочевника въ земледѣльца дѣло десятилѣтій и даже столѣтій. Въ короткое время такое превращеніе не можетъ сказаться на всей массѣ. Духъ кочевника—любовь къ легкой, привольной, хотя и опасной жизни въ горахъ и степяхъ, это—духъ самыхъ горъ и степи, пока въ нихъ не изсякъ просторъ. А просторъ стѣсняется почти стихійно. Русскій крестьянинъ-переселенецъ охотно идетъ на черную землю и зеленые луга Семирѣчья и не можетъ и не хочетъ признать, что онъ не вездѣ найдетъ себѣ мѣсто. Такъ борются и будутъ бороться два духа—духъ пахаря и духъ скотовода. Побѣда, конечно, обезпечена первому, тѣмъ болѣе, что самая борьба неравная; счастливы, поэтому, тѣ изъ киргизовъ, которые во-время успѣютъ и смогутъ перейти къ земледѣльческой культурѣ тамъ, разумѣется, гдѣ эта культура возможна и выгоднѣе, чѣмъ скотоводство.

Русскіе крестьяне значительно превосходятъ киргизовъ по культурности и часто относятся къ послѣднимъ съ презрѣніемъ. Это презрѣніе доходитъ иногда до полного отрицанія въ киргизахъ человѣческой личности. Бываютъ на этой почвѣ случаи безчеловѣчной и бессмысленной жестокости: крестьяне безжалостно убиваютъ киргизовъ и не чувствуютъ угрызеній совѣсти. Чаще всего дѣло происходитъ такъ. Русскіе крестьяне возьмутъ въ аренду киргизскія земли, построятъ дома и отказываются уходить по окончаніи срока аренды. Приѣзжаютъ киргизы. Начинается свалка, и дѣло кончается кровопролитіемъ, при чемъ либо вовсе не имѣющіе ружей, либо вооруженные старинными самопалами киргизы оказываются въ такихъ случаяхъ болѣе слабою стороною.

Бываетъ и хуже. Мужикъ работаетъ въ саду, видитъ, что черезъ заборъ тянется къ яблонѣ киргизъ, беретъ ружье и убиваетъ киргиза наповаль. Прибѣгаютъ сосѣди. —«Что такое?»—«А вотъ, убилъ собаку!»—и даже не тронется съ мѣста, чтобы подобрать убитаго.

Съ такимъ убійцей мнѣ пришлось однажды встрѣтиться. Я остановился на ночлегъ въ селеніи Головачевкѣ (Аулиеатинскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской области). Въ избѣ былъ представительный мужикъ. Онъ интересно рассказывалъ про свои занятія, — о томъ, какъ трудно ему сбывать телѣги и получать все нужное, при отсутствіи желѣзной дороги. Рассказывалъ, и вдругъ говорить: «Теперь вотъ все перемѣнилось»

— Почему?

— Да я убійца... Убилъ киргиза.

Русскіе мужики, заражаясь духомъ завоевателей, нерѣдко те-ряютъ здѣсь свое исконное добродушіе, а съ нимъ и ту дѣтскую простодушную улыбку, которую такъ любилъ въ нихъ Л. Н. Толстой, не находившій этой улыбки у городского пролетарія. Они заражаются столь распространенной на окраинахъ съ полу-дикимъ населеніемъ жаждой наживы, привыкаютъ къ эксплоа-таціи, отвыкаютъ отъ гостепрѣимства,—они часто дѣлаются не-узнаваемы. Но зато сознательность, осмысленность, пониманіе своихъ правъ, грамотность, все это развивается не менѣе быстро. Переселеніе въ новые края встряхиваетъ и переворачиваетъ все ихъ существо.

Но не всегда духъ киргиза оказывается побѣжденнымъ, и онъ со своей стороны ведетъ часто нападенія, грабитъ, угоняетъ скотъ, тащитъ дѣвушекъ. А иногда своевольный духъ горъ и степи покоряетъ и иначе. Помню я одну встрѣчу. На двухко-лесной повозкѣ въ платьѣ изъ синяго бархата и въ мѣховой шапкѣ ѣхала молодая женщина съ лицомъ красивой краснощекой бабы. Сзади скакалъ джигитъ. Кто это? Жена киргизскаго волостного, дочь русскаго мужика, бѣжавшая отъ родныхъ къ соблазнившему ее богатствомъ и красотою киргизу.

Приведу еще одинъ случай. Въ селеніи Ново-Покровскомъ Пишпекскаго уѣзда разговорился я съ хозяйкой.

— Горе у меня, баринъ, большое.

— А что?

— Сынъ убѣжалъ къ киргизамъ, а самъ-то (мужъ) его проклялъ и обѣщался убить.

И рассказала мнѣ, какъ сынъ все ѣздилъ къ киргизамъ, какъ они его поили и кормили, какъ онъ влюбился въ киргизскую дѣвку и какъ «убѣгъ». Киргизы скрыли его. Дали много скота, поженили и отправили за озеро Иссыкъ-куль. И гдѣ онъ теперь, неизвѣстно. Но старикъ поклялся, что убьетъ безстыжаго сына, осрамившаго семью передъ людьми.

Такъ иногда завлекаетъ къ себѣ киргизская вольница.

Георгій Гинстъ.

